

ЭСТЕТИКА
АМЕРИКАНСКОГО
РОМАНТИЗМА

Annotation

Программное эссе философии трансцендентализма.

- [Ралф Уолдо Эмерсон](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ГЛАВА VI](#)
 - [ГЛАВА VII](#)
 - [ГЛАВА VIII](#)
 - [КОММЕНТАРИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

Ралф Уолдо Эмерсон

ПРИРОДА

(Перевод с английского А.М. Зверева)

*Цепь без конца: к звену звено
Навек присоединено;
Приметы всюду глаз постиг,
Цветок поймет любой язык,
Все формы жизни проползти
Червь жаждет, чтоб в конце пути,
За труд и муки награжден,
Стать человеком мог бы он^[1].*

Наша эпоха обращена к прошлому. Она возводит надгробия над могилами отцов. Она увлечена жизнеописаниями, историей, литературными штудиями. Люди, жившие до нас, видели бога и природу лицом к лицу; мы не смотрим на бога и природу их глазами. Почему же и нам не обрести исконной связи со вселенной? Почему бы и нам не создать поэзию и философию, основывающиеся на вдохновении, а не на традиции, почему бы и нам не постигать веру через откровение, а не через историю религиозных идей прошлого? Если мы можем на какой-то срок отдаться природе, чьи жизненные потоки струятся вокруг нас и сквозь нас, зовя нас даруемой ими силой к действиям, согласным с природой, почему мы должны блуждать среди сухих костей^[2], облекать живых людей, как на маскараде, в выцветшие наряды прошлого? Ведь солнце сияет и сегодня. Поля еще больше изобилуют льном, пастбища шерстью. Появились новые земли, пришли новые люди, возникли новые мысли. Так будем же требовать наших собственных творений, собственных законов и убеждений.

Нет у нас решительно никаких вопросов, на которые нельзя было бы найти ответа. Нужно верить в совершенство творения — верить настолько, чтобы не сомневаться: какого бы рода недоумение ни заронил в нашу душу порядок вещей, оно будет им же рассеяно. Условия, в которых протекает существование всякого человека, — это

символический ответ на те вопросы, которыми он задается. Он обретает этот ответ в своих действиях, в самой жизни, прежде чем постигает его как истину. Точно так же природа в своих устремлениях, в созданных ею формах уже являет свое предназначение. Погрузимся же в исследование величественного, воздушного мира, что столь мирно простерся окрест нас. Спросим себя: какой цели служит природа?

У всех наук одно стремление — создать теорию природы. Мы располагаем теорией рас и объяснением различных функций, но пока что едва-едва начали приближаться к идее творения. Мы пока еще столь далеки от пути к истине, что вероучители оспаривают и поносят друг друга, а мыслящих людей почитают безумцами и ветрениками. Но по здравом размышлении самая абстрактная истина окажется всего более верной в практической жизни. Когда является правильная теория, она всегда сама служит доказательством своей истинности. Ее испытание состоит в том, чтобы она могла объяснить все явления. Сейчас многие из них видятся не только необъясненными, но и необъяснимыми, и среди них — язык, сон, безумие, мечты, животные, половая жизнь. С философской точки зрения вселенная состоит из Природы и Души. Отсюда, строго говоря, следует, что все, отделенное от нас, все, обозначаемое в Философии как «не-я», иными словами, как природа, так и искусство, все прочие люди и собственное мое тело должны быть объединены под именем *природы*. Говоря о богатстве природы, подсчитывая его размер, я буду пользоваться словом «природа» в обоих смыслах — обычном и философском. Когда принимаешься за проблему столь общую, как та, что нас здесь интересует, такая неточность несущественна; она не повлечет за собой неточности мысли. В житейском смысле слово «природа» обозначает то, что не изменилось под действием человека, — пространство, воздух, реку, листок на дереве. Словом «искусство» обозначают вещи, в которых природное соединилось с волей человека, — дом, канал, статую, картину. Однако и взятые все вместе действия человеческие столь незначительны — всего лишь чуть-чуть что-то обтесать, что-то выпечь, залатать, выстирать, — что они не сказываются на конечном итоге, коль скоро речь идет о таком великом явлении, как воздействие окружающего мира на человеческую душу.

Глава I

Чтобы отдаться одиночеству, человеку столь же необходимо покинуть свою каморку, как и бежать от общества. Я не одинок, пока читаю и пишу, хотя рядом со мною нет никого. Если же человеку хочется остаться одному, пусть он отдастся созерцанию звезд. Лучи, доносящиеся из этих небесных миров, станут преградой между ним и тем, к чему он прикасается. Можно подумать, что воздушное пространство было создано прозрачным как раз с этой целью: чтобы человек, глядя на небесные светила, ощущал постоянное присутствие возвышенного. Как велики они, когда смотришь на них с городской улицы! Если бы звезды проступали на небосводе лишь раз в тысячу лет, какую веру, какое воодушевление вселяли бы они в людей; еще долго потом от поколения к поколению передавался бы рассказ о том, как некогда был явлен град божий. Но они, эти посланники красоты, приходят к нам каждую ночь и озаряют вселенную своей мудрой и доброй улыбкой.

Звезды пробуждают чувство известного к себе почтения: хотя они всегда с нами, они недостижимы. Однако сходные чувства пробуждает и всякое создание природы, если душа открыта его воздействию. На челе природы не бывает написана низость. И мудрейший из людей не проникает в ее тайну, и любознательность его не иссякает, даже когда ему открывается все ее совершенство. Природа никогда не становилась игрушкой для человека, умудренного духом. Цветы, животные, горы запечатлели мудрость самого светлого его часа, точно так же, как они доставляли ему в детстве наслаждение простотой.

Когда мы начинаем так говорить о природе, в душе нашей оживают чувства вполне отчетливые и в то же время в высшей степени поэтические. Мы постигаем цельность впечатления, производимого на нас самыми разнообразными явлениями природы. Вот что отличает бревно, поваленное лесорубом, от дерева, воспетого поэтом. Сегодня утром я видел прелестный пейзаж; не сомневаюсь, можно сказать: это не пейзаж, а двадцать или тридцать ферм. Вот это поле принадлежит Миллеру, следующее за ним Локку, а дальше идет роща Мэннинга. Но никому из них не принадлежит сам пейзаж. Открывшийся мне вид

обладает качеством, не принадлежащим ни одному человеку, кроме того, чей глаз способен связать воедино все, что составляет этот вид, то есть кроме поэта. Это качество — лучшее, что можно отыскать на фермах всех этих людей, но его не закрепят за ними никакие права владения.

Говоря откровенно, лишь немногие взрослые люди способны видеть природу. Большинство из них не замечает и солнца. Во всяком случае, взгляд их очень поверхностен. Солнце лишь касается глаз взрослого, но проникает в глаза и в сердце ребенка. Природу любит тот, чьи обращенные вовне и внутрь чувства по-прежнему подлинно соответствуют друг другу; тот, кто и в зрелом возрасте сохранил дух детства. Общение с небом и землею становится его ежедневной пищей^[3]. В присутствии природы человеком овладевает первозданное наслаждение, какие бы горести ни выпадали ему в каждодневной жизни. Природа говорит: это мое дитя, и пусть его преследуют печали, со мной оно будет счастливо. Не только солнце, не одно лишь лето даруют наслаждение; его приносят всякий час, любое время года, ибо всякий час, любое измерение соответствуют особому состоянию души и оправдывают его — и полдень, когда ничто не шелохнется, и самая мрачная полночь. Природа — декорация, одинаково пригодная и для комической и для скорбной пьесы. При отменном здоровье воздух способствует необыкновенной добродетели. В сумерки, под хмурым небом я шел через подернутые снежной крупой лужи по голому пустырю и, хотя при этом вовсе не вспоминал какой-нибудь особенно счастливой минуты своей жизни, испытывал удивительный подъем духа. Я был счастлив так, что едва не страшился своей радости. Очутившись в лесу, человек сходным образом сбрасывает с себя, как змея кожу, груз прожитых лет и, какого бы возраста он к этому времени ни достиг, снова становится ребенком. В лесах скрывается непреходящая молодость. На этих плантациях господают царят благопристойность и святость, праздник длится здесь целый год, и гость, очутившийся на нем, не поверит, если ему скажут, что этот праздник утомит его — хотя бы через тысячу лет. В лесах мы возвращаемся к разумности и к вере. Здесь я чувствую, что на мою долю никогда не выпадет ничего дурного — ни унижения, ни бедствия (лишь бы со мной остались мои глаза), которых не могла бы поправить природа. Вот я стою на голой земле — голову мне овеивает бодрящий

воздух, она поднята высоко в бесконечное пространство — и все низкое себялюбие исчезает. Я становлюсь прозрачным глазным яблоком; я делаюсь ничем; я вижу все; токи Вселенского Бытия проходят сквозь меня; я часть бога или его частица. И тогда имя самого близкого из друзей звучит для меня незнакомым и ничего не говорящим; брат ли он мне, хороший ли знакомый, и кто из нас господин, а кто слуга — все это ничтожные пустяки, глупые помехи. Я — возлюбленный красоты, ни в чем определенном не сосредоточенной и бессмертной. Среди дикой природы я нахожу нечто более для себя дорогое и родное, чем на городских, и сельских улицах. В спокойном пейзаже, а особенно в далекой черте горизонта человек различает нечто столь же прекрасное, как собственная его природа.

Самое же большое наслаждение, доставляемое полями и лесами, — это внушаемая ими мысль о таинственном родстве между человеком и растительным миром. Я не одинок и не брошен всеми. Растения приветствуют меня, и я шлю ответное приветствие. Качаются под ветром деревья — и это картина для меня и новая и привычная. Она поражает меня необычностью, и все же она мне знакома. Словно бы в ту минуту, когда мне казалось, что я решаю правильно и действую обоснованно, мне вдруг открылась мысль более высокая, явилось более достойное чувство.

А ведь несомненно, что способность даровать такое наслаждение заключена не в природе, а в человеке или в гармонии природы и человека. Необходимо очень умеренно прибегать к таким наслаждениям. Природу не всегда можно застать в праздничном наряде; тот же самый пейзаж, который еще вчера расточал аромат и сверкал, точно на нем резвились нимфы, сегодня дышит грустью. Природа всегда носит цвета духа. Человеку, что трудится в минуту горя, самое тепло его собственного огня внушает ощущение печали. А тот, кто только что навсегда потерял близкого друга, ощущает в пейзаже какую-то холодность. Но и небо утрачивает часть своего величия, когда оно смыкается над головами менее достойных.

Глава II

УДОБСТВО

Всякий, кто размышляет над конечным назначением мира, увидит, сколь много полезных приложений входит в это понятие в качестве составных его частей. Все они могут, однако, быть отнесены к одному из следующих классов: Удобство; Красота; Язык; Дисциплина.

Под общим именем Удобство я объединяю все те благотворные возможности наших чувств, которыми мы обязаны природе. Это, разумеется, благо временное и опосредствованное, а не конечное, каким является служение удобства потребностям души. И тем не менее удобство, хотя это категория низкая, в своем роде совершенно; это единственное полезное приложение природы, которое доступно пониманию всех. Жалобы человека на скудость отпущенных ему средств представляются детскими капризами, когда мы начинаем постигать, как постоянно и с какой щедростью обеспечивается его безмятежное существование на этом зеленом земном шаре, который несет его через небесные сферы. Какие ангелы изобрели все эти восхитительные украшения жизни, весь этот царственный комфорт, этот океан воздуха над головой, и океан воды под ногами, и твердь между ними? И этот свет созвездий Зодиака, и этот навес из клонящихся к земле облаков, и этот пестрый плащ климатических поясов, и этот распадающийся на четыре сезона год? Человеку служат животные, огонь, вода, камни, пшеница. Поле — это и его пол, и его рабочее место, и площадка для игр, и сад, и постель.

У человека слуг,
Ему неведомых,— несметный рой^[4].

В своем служении человеку природа — не только материал, но также и процесс, и его результат. Все в природе непрерывно трудится рука об руку для блага человека. Ветер роняет в почву зерно; солнце выпаривает море; ветер доносит пары до поля; лед, скапливающийся на одном конце планеты, делает более обильными дожди на другом; дождь

питает растительность; растения кормят животных; и этот нескончаемый круговорот божественной благости дает человеку средства к существованию.

Полезные ремесла — это воспроизведения или созданные умом человека новые соединения тех же самых естественных благодетелей. Человеку уже не нужно ждать благоприятных ветров; изобретя паровой двигатель, он воплотил на деле миф о мехе Эола, и все тридцать два ветра заключены теперь в машинном отделении его корабля. Чтобы трение стало меньше, он положил на дорогу два железных бруса ^[5], и, войдя в вагон вместе с другими людьми, животными, грузами, которых хватило бы, чтобы загрузить корабль, мчит через страну от города к городу, подобно орлу или ласточке в воздухе. Таких облегчающих жизнь изобретений делалось все больше, и насколько же они изменили лицо мира от времен Ноя до эпохи Наполеона! Предоставленный самому себе, бедный человек располагает городами, пароходами, каналами, мостами, построенными для него. Он отправляется на почту, и весь род человеческий спешит выполнить его поручение; он идет в книжную лавку, и род человеческий пишет и читает все, что ему вздумается взять в руки; он обращается в суд, и целые народы вступаются за его обиды. Он ставит свой дом на дороге, и род человеческий проходит мимо его окон всякое утро, разгребая снег, прокладывая для него тропу.

Впрочем, нет нужды называть конкретные полезные приложения, входящие в этот разряд. Перечисление было бы бесконечным, а примеры здесь столь очевидны, что я предоставляю читателю самому их найти; ограничусь общим замечанием, что это служащее к прямой выгоде благо имеет отношение и к высшему добру. Человека кормят не для того, чтобы просто накормить, а чтобы он мог работать.

Глава III

КРАСОТА

Природа удовлетворяет и более высокую потребность человека — любовь к Красоте.

В древности греки называли мир «*χοσμος*», что значило — красота. Таков уж характер всех вещей, такова пластическая сила человеческого глаза, что первичные формы — небо, гора, дерево, животное — *заклучают в себе и доставляют нам сами по себе наслаждение*; его приносят их очертания, цвет, движение, расположение в природе. Этим наслаждением мы, видимо, отчасти обязаны самому глазу. Глаз — лучший из художников. Взаимодействием его строения и законов света создается перспектива, объединяющая всякое скопление предметов независимо от их характера в прекрасно окрашенный законченной формы шар; и если отдельные предметы выглядят отталкивающими и не внушают к себе симпатии, то пейзаж, ими образуемый, закончен и симметричен. И точно так же как глаз всего более искусен в композиции, свет — первый из художников. Нет предмета настолько отталкивающего, что даже интенсивный свет не мог бы сделать его прекрасным. Его способность будоражить чувство, своего рода бесконечность, заключенная в нем, как и в пространстве и во времени, делают всю материю радостной. Даже труп не лишен своей красоты. Но помимо общей утонченности, проникающей природу, глаз находит нечто приятное и почти во всех отдельных формах, чему свидетельством наше нескончаемое подражание некоторым из них — желудю, грозди винограда, сосновой шишке, колосу пшеницы, яйцу, крыльям и строению большинства птиц, когтям льва, змее, бабочке, морским ракушкам, пламени, облакам, почкам, листьям, формам множества деревьев, ну хотя бы пальмы.

Чтобы рассмотреть выражения Красоты более последовательно, разделим их на три группы.

1. Прежде всего наслаждением является простое восприятие естественных форм. Человеку столь насущно необходимо воздействие представленных в природе форм и свершающихся в ней действий, что такое воздействие, если взять самые элементарные его проявления,

находится где-то на границе между красотой и пользой. Для тела и души, увядших от вредной работы или общения с дурными людьми, природа целительна; она возвращает им утраченный настрой. Торговец, стряпчий, вырвавшись из утомительной городской суеты и увидев небо и леса, вновь становится человеком. Они обретают себя среди их векового покоя. Видимо, здоровое зрение требует, чтобы ему постоянно был открыт горизонт. Мы не ведаем усталости, пока способны видеть достаточно далеко.

Но в иные часы Природа умиротворяет самой своей прелестью, и к этому не примешивается никакая польза для нашей плоти. С холма, возвышающегося за моим домом, я наблюдаю, как рождается утро — от первых проблесков света до восхода солнца, — и чувства мои мог бы разделить ангел. Длинные гибкие полосы облаков плывут, как рыбы, по розовому морю света. С земли, точно с берега, я взираю на это молчащее море. И кажется, я и сам участвую в его стремительных преобразованиях; очарование властно овладевает моим бранным существом, я беседую с утренним ветром и заключаю с ним союз. О, эта способность Природы сообщать нам божественность немногочисленными простыми своими проявлениями! Дайте мне здоровье и предоставьте только один день — я сделаю ничтожно смехотворным роскошество императорских дворцов. Рассвет — вот моя Ассирия; закат, появление луны — это мой Пафос, мои царства фантазии, представить которые не в силах никакое воображение; ясный полдень станет Англией моих чувств и разума, а ночь — Германией моей мистической философии, моих грез.

Не менее возвышенным было очарование вчерашнего январского заката; нужно только позабыть, что в полдень мы не так слабы, как к ночи. Наплывавшие с запада облака расходились по небу и пушились розовыми хлопьями, в которых глаз ловил оттенки невыразимой нежности; и в воздухе было столько жизни, столько прелести, что больно было возвращаться под свою крышу. Что же стремилась сказать всем этим природа? Неужели был лишен смысла живой отклик долины, простершейся за мельницей, тот отклик, для которого я не нахожу выражения в слове ни у Гомера, ни у Шекспира? На закате облетевшие деревья стали огненными шпильями, а небо, голубевшее к востоку, служило им фоном; и звезды убитых холодом бутонов, всякий пожухлый стебель или побег травы были созвучны с морозом, вносили

свою ноту в эту немую музыку.

Жители городов полагают, что сельский пейзаж приятен лишь половину года. Я же черпаю для себя наслаждение в изяществе зимней природы и убежден, что она трогает нас не меньше, чем очарования, щедрой рукой высыпаемые летом. Внимательному глазу любой день года откроет свою красоту; глядя на то же самое поле, он всякий час созерцает картину, какой раньше никогда не видел и больше никогда не увидит. Небо меняется каждую минуту, и его радость или печаль запечатлеваются на простершихся под ним равнинах. Зреет на окрестных полях урожай, и от недели к неделе меняется лик земли. Умеющий наблюдать почувствует даже течение дня, отмечая, как приходят, одно на смену другому дикие растения на пастбищах и вдоль дорог; это ведь молчаливые часы, посредством которых время подсчитывает отпущенный лету срок. Сменяют друг друга разновидности птиц и насекомых, а в строгом соответствии с этим — и растения, и год для всех них находит место. Вдоль водных путей разнообразия еще больше. В июле на отмелях наших прекрасных рек цветут широкими клумбами голубой гиацинт и роголистник, а над ними неостановимо клубится рой желтых бабочек. Искусству не достичь такой роскоши лиловых и золотых тонов. Река — это поистине вечно длящийся карнавал, и всякий месяц она может похвалиться новыми красками.

Но эта красота Природы, которую все видят и ощущают как красоту, — лишь самая малая часть ее красоты. Прелестные картины дня, росистого утра, радуги, гор, цветущих садов, звезд, лунного света, теней на тихой воде и тому подобного, если слишком за ними охотиться, станут всего лишь прелестными картинками и будут дразнить нас своим неправдоподобием. Вы выходите из дому, чтобы посмотреть на луну, а она всего лишь поблескивающий диск; она не вселит в душу такого удовлетворения, как в том случае, когда ее лучи освещают вам путь, в который вас заставило пуститься дело. Красота, мерцающая в багряном октябрьском полдне, — кто когда-нибудь сумеет уловить ее? Вы отправляетесь искать ее, а она исчезла; она всего лишь мираж, явившийся вам, когда вы смотрели в окно дилижанса.

2. Для того чтобы красота была совершенной, необходимо присутствие более высокого элемента, иными словами, духовности. Высокая, божественная красота, любить которую можно без

слезливости, — та, которая проступает в единстве с человеческой волей. Красота — это печать бога на добродетели. Любой естественный поступок заключает в себе красоту. Любой героический поступок также благороден, он сообщает свое сияние и тому месту, где он был совершен, и тем, кто при нем присутствовал. Великие дела учат нас, что вселенная — собственность каждого живущего в ней индивидуума. Всякое разумное существо располагает всей природой в качестве своего поместья и приданого. Природа принадлежит ему, если оно того хочет. Можно лишить себя ее, можно забиться в свой угол и отречься от престола, как и поступает большинство людей, но каждому существу принадлежит право на это царство по самой его природе. Оно вбирает в себя мир соответственно своей энергии мысли и воли. «Все то, ради чего люди возделывают землю, строят, отправляются в море, подчинено добродетели», — сказал Саллюстий^[6]. А Гиббон^[7] говорил: «Ветры и волны всегда содействуют искуснейшим из навигаторов». И точно так же именно им содействуют солнце, и луна, и все небесные светила. Когда совершается достойный поступок, волею обстоятельств это часто происходит на фоне прекрасного естественного пейзажа; Леонид^[8] и его триста мучеников медленно умирают на протяжении дня, и солнце и луна проникают через горные кручи, чтобы бросить на них прощальный взгляд в Фермопилах; Арнольд Винкельрид^[9] высоко в Альпах, где нависают ледники, подставляет грудь свою под пики австрийцев, чтобы прорвать окружение врага и высвободить товарищей; разве эти герои не имеют права присовокупить красоту окружающей природы к красоте ими совершенного? Каравелла Колумба приближается к американской земле, перед нею берег, усеянный туземцами, высыпавшими из своих тростниковых хижин, сзади море, вокруг лиловые горы Вест-Индского архипелага — можно ли отделить Колумба от этой живой картины? Разве Новый Свет не нашел для себя пригодного наряда в пальмовых рощах и саванне? Природная красота всегда проникает в любую форму, как воздух, и облекает собой великие поступки. Когда сэр Гарри Вейн^[10] был привезен на холм Тауэра, где его должны были казнить как защитника английских законов, и сидел в повозке, ожидая смертного часа, кто-то из толпы крикнул ему: «Никогда еще ты не сидел на столь достойном тебя троне». Карл II, чтобы запугать жителей Лондона, велел везти патриота лорда Рассела^[11] на эшафот в открытой повозке по всем главным улицам города. «Однако ж, — пишет его биограф, — толпе

казалось, что она видит свободу и добродетель, сидящие рядом с ним». В уединенных местах, среди грязи, поступок, продиктованный сознанием истины и героизмом, словно бы притягивает к себе и небо и солнце, и они становятся его храмом, его светильником. Природа протягивает руки к человеку и обнимает его, лишь бы его мысли были не менее величественны. Она радостно следует по его стопам, расцветившая его путь розами и фиалками, и всем, что есть в ней возвышенного и благородного, венчает свое любимое дитя. Пусть только мысли его будут отвечать ее величию, и тогда найдется рама, достойная картины. Человек добродетельный согласуется с ее творениями, и он становится центральной фигурой во всей видимой земной сфере. Гомер, Пиндар, Сократ, Фокион^[12] в нашей памяти неотделимы от Греции, ее географии и климата. Небо, которое доступно нашему взору, и земля сочувствуют Иисусу. И в повседневной жизни каждый, кто наделен сильным характером и благотворным даром, отметит для себя, как легко ему ладить со всем, что вокруг него, — люди, мнения, и день, и природа начинают служить человеку.

3. Красоту мира можно воспринимать под еще одним углом зрения, а именно как красоту, ставшую предметом размышления. Все в мире связано не только с добродетелью, но и с мыслью. Разум ищет абсолютную гармонию вещей, какой она родилась в душе всевышнего, отстраняясь от оттенков, вносимых пристрастием. Способность к размышлению и к действию, кажется, следуют друг за другом, и особенное развитие одной из них введет к особенному развитию другой. В каждой из них есть нечто недружественное по отношению к другой, но они подобны сменяющимся периодам кормления и деятельности у животных; каждая подготавливает проявление другой и сменяется ею. Вот почему красота, которая, как мы видели, сообщается поступкам, когда ее не ищут, и сообщается потому, что ее не ищут, остается предметом, всегда привлекающим к себе разум, стремящийся понять ее; а в то же время это и предмет, обращающий на себя способность к действию. Ничто божественное не умирает. Все, что ведет к благу, вечно воспроизводится. Красота природы преображает самое себя в сознании — и не только для целей бесплодного созерцания, но и для нового творения.

На всех людей в той или иной мере производит впечатление внешность мира, некоторых она даже приводит в восторг. Эта любовь к

красоте называется Вкусом. Другие наделены этой любовью с таким избытком, что, не удовлетворяясь просто восхищением, они стремятся воплотить его в новых формах. Созидание красоты есть Искусство.

Когда является произведение искусства, проливается свет на тайну человечества. Произведение искусства — это абстракция или воплощение мира. Это результат или выражение природы — в миниатюре. Ибо, хотя творения природы неисчислимы и все отличаются одно от другого, их результат или выражение всегда тождественны и едины. Природа — это море форм по самому своему принципу сходных и даже единообразных. Лист на ветке, солнечный луч, пейзаж, океан производят на душу сходное впечатление. То, что является общим всем им, это их совершенство и гармоничность, и есть красота. Мерило красоты — это вся последовательность естественных форм, целостность природы, то, что подразумевали итальянцы, называя красоту «*il più nell'uno*»^[13]. Ничто не обладает совершенной красотой изолированно; все прекрасно только в целостности. Отдельно взятый предмет прекрасен лишь в той мере, в какой он дает ощутить эту всеобщую красоту. Поэт, живописец, скульптор, музыкант, архитектор — все они жаждут сосредоточить лучистую красоту мира в чем-то одном и в различных своих созданиях удовлетворить чувство любви к красоте, побуждающее их к творчеству. Вот что такое Искусство — природа, прошедшая сквозь человеческую призму. В Искусстве природа проявляет свою деятельность через волю человека, полного сознания красоты прежде виденных им творений природы.

Мир тем самым существует для души, для того, чтобы она могла утолить свою жажду красоты. Это я и называю высшим его назначением. Не следует искать причин, побуждающих душу жаждать красоты; таких причин нельзя назвать. Красота в самом широком, самом глубоком смысле этого понятия является единственным выражением вселенной. Господь всеблаг. Истина, добро, красота — все это лишь различные проявления единого Целого. Но красота в природе не является конечной. Она — вестник внутренней, сокрытой в душе красоты и сама по себе не составляет прочного, внушающего удовлетворения блага. Она должна быть воспринята как часть, но еще не как последнее и высшее выражение конечной причины в Природе.

ГЛАВА IV

ЯЗЫК

Язык — третье полезное приложение, которое Природа создает для человека. Природа — это двигатель мысли, двигатель в первой, второй и третьей степени.

1. Слова суть знаки естественных явлений.

2. Особые естественные явления суть символы особых духовных явлений.

3. Природа — символ духа.

1. Слова суть знаки естественных явлений. Польза естественной истории состоит в том, что она помогает нам в явлениях сверхъестественной истории; польза внешнего творения в том, что оно дает нам язык, выражающий явления и изменения во внутреннем творении. Любое слово, обозначающее феномен нравственной или умственной жизни, если проследить его корни, было произведено от какого-то имеющего материальное выражение явления. *Правый* означает *прямой*; *ложный* означает *искривленный*. *Дух* в первую очередь обозначает *ветер*; *совершить проступок* — значит *переступить черту*; *высокомерие* — это *поднятые брови*. Чтобы сказать о чувстве, мы пользуемся словом *сердце*, чтобы передать *мысль* — словом *голова*; *мысль* и *чувство* — тоже слова, заимствованные из мира чувственно воспринимаемых вещей и ныне обозначающие явление духовного характера. Процесс такой трансформации большей частью скрыт от нас за дальностью эпох, когда создавался язык; но присмотритесь к детям, и вы каждый день будете наблюдать нечто подобное. Дети, как и дикари, пользуются только существительными или названиями вещей, которые они превращают в глаголы и применяют для обозначения аналогичных актов умственной жизни.

2. Однако такое происхождение всех слов, передающих явления духовного порядка, — факт, столь знаменательный в истории языка, — это лишь самое малое из того, чем мы обязаны природе. Не одни лишь слова символичны; сами вещи символичны. Любое явление в природе есть символ какого-нибудь явления духовной жизни. Любая ее картина соответствует какому-то состоянию души, и это состояние души может

быть выражено лишь посредством этой картины природы, олицетворяющей его. Разъяренный человек — это лев, хитрец — лиса, человек твердых взглядов — скала, просвещенный — светоч. Агнец есть невинность, змея представляет предельную злобу, цветы выражают нежное пристрастие. Свет и тьма давно уже представляют для всех нас знание и невежество, а тепло — любовь. Видимое пространство, открывающееся позади нас и перед нами, — это соответственно наш образ памяти и надежды.

Есть ли человек, который смотрит в минуту раздумья на реку и не вспоминает о постоянном движении всех вещей? Бросьте камень в воду, и круги, расходящиеся по поверхности, послужат превосходным образцом того, что называется влиянием. Человек сознает в своей собственной жизни или рядом с ней присутствие всеобщей души; Справедливость, Истина, Любовь, Свобода восходят и сияют в его жизни, как звезды на небосводе. Эту всеобщую душу он называет Разумом: он не мой, не твой, но мы — его; мы — его собственность и его люди. И голубое небо, в пространствах которого незаметная земля погребена, небо с его вечным покоем, населенное вековечными сферами, являет собою тип Разума. То, что мы именуем Разумом, когда постигаем это рассудочно, называется Духом, будучи постигнуто через отношение к природе. Дух есть Творец. Дух обнимает собою жизнь. И во все века, во всех странах человек дает Духу на своем языке имя *отец*.

Нетрудно убедиться, что в подобных аналогиях нет ничего случайного или произвольного; они постоянны и проступают во всей природе. Это не грезы немногочисленных поэтов, разбросанных по земле; человек стремится к аналогиям и открывает родственность во всем, что вокруг него. Он помещен в самый центр бытия, и все другие творения устремляют к нему луч родства. И нельзя понять ни человека без этих других творений, ни другие творения без человека. Любые факты естественной истории, взятые сами по себе, не имеют ценности, они бесплодны, как если бы на земле остался один пол. Но сочетайте их с человеческой историей, и в них выявится переизбыток жизни. Все описания флоры, все тома сочинений Линнея и Бюффона — сухие каталоги фактов; но и самый малозначительный из этих фактов — то или иное свойство растения, отдельные его органы, его деятельность или шум, производимый насекомым, — приобретает для нас самое живое, самое прекрасное значение, если рассматривать его как

пояснение к факту духовной философии или каким-то образом связать его с человеческой природой. Вот семя растения; к каким глубоким аналогиям с человеческой природой может привести этот скромный плод, как искусно можно пользоваться им в любом рассуждении, вплоть до откровений св. Павла, назвавшего семенем тело человеческое. «Сеется тело душевное, восстает тело духовное»^[14]. Движение земли вокруг своей оси, ее обращение вокруг солнца создает день и год. Это, конечно, сопоставление в большой мере грубое и шаблонное; но все же, разве нет умышленной аналогии между человеческой жизнью и сменой времен года? И сами времена года — разве они не приобретают особой возвышенности, особой патетичности от такой аналогии? Инстинкты, свойственные муравью, совершенный пустяк, пока дело идет только о муравье; но едва отсюда протянется луч родства к человеку, и в этом крохотном поденщике начнут видеть наставника, маленькое тельце, в котором заключено могучее сердце, как все его привычки, даже та, что он никогда не спит, — ее, говорят, открыли совсем недавно, — преисполняются высоким смыслом.

В силу того, что в самом главном существует соответствие между видимыми вещами и человеческими мыслями, дикари, располагающие лишь тем, что необходимо, объясняются друг с другом при помощи образов. Чем дальше мы удаляемся в историю, тем живописнее делается язык; достигнув времени его детства, мы видим, что он весь — поэзия; иными словами, все явления духовной жизни выражаются посредством символов, найденных в природе. Те же самые символы, как выясняется, составляют первоосновы всех языков. Более того, было замечено, что во всех языках идиоматические выражения близки друг другу, когда речь отличается особенной выразительностью и силой. И если это самый первый язык, он точно так же и самый последний. Эта непосредственная зависимость языка от природы, это превращение внешнего феномена в образ, раскрывающий нечто в человеческой жизни, никогда не перестанут поражать нас. Вот что привлекает нас в самобытной речи фермера или человека, живущего где-нибудь среди лесов, — речи, которая доставляет всем такое удовольствие.

Способность человека связывать свою мысль с точно найденным образом и при помощи его излагать то, что он хочет сказать, зависит от простоты его сердца, иными словами, от его любви к истине, от его желания донести истину без потерь для нее. Если портится человек,

портится и его язык. Когда руководствуются не самыми высокими порывами, жадной богатства, удовольствий, могущества, славы, и это лишает характеры безыскусности, а идеи — независимости, когда двуличие и ложь заступают место простоты и правды, в какой-то мере утрачивается власть над природой, в которой запечатлена воля; новых образов уже не создается, а смысл старых слов искажается, и они начинают обозначать то, чего нет; к бумажным деньгам прибегают, когда в подвалах казначейства уже больше нет золотых слитков. Придет время, и обман раскроется; слова теряют всякую способность содействовать пониманию и выражать страсть. У народов, давно идущих стезей цивилизации, можно найти сотни писателей, которые на недолгий срок проникаются верой и заставляют других верить, что они видят и говорят вещи истинные, — но сами они не облекли в естественный наряд ни единой мысли, а лишь, не отдавая себе в том отчета, кормились языковыми запасами, созданными лучшими писателями страны, и именно теми, кто больше всего был близок к природе.

Однако люди мудрые видят, что слова таких писателей отдают гнилью, и спешат вновь накрепко связать слово с видимыми вещами; и живописный язык является в то же время и неоспоримым документом, подтверждающим, что человек, который им пользуется, един с истиной и с богом. В тот миг, когда рассуждение отрывается от почвы всем известных фактов и воспаряет на крыльях страсти или мысли, оно облекается в образы. Человек, говорящий серьезно, увидит, проследив процесс своего мышления, что одновременно с каждой мыслью в его сознании более или менее отчетливо возникает материальный образ, дающий этой мысли одеяние. Вот почему настоящая литература и блестящий образец ораторского искусства представляют собой вечные аллегии. Эта образность рождается самопроизвольно. Она представляет собой смесь опыта с совершающейся сейчас работой сознания. Она и есть подлинное творчество. Эта Первопричина работает при помощи инструментов, которые человек уже изготовил.

Все это может навести на мысль, что для человека с сильным умом сельская жизнь имеет преимущества над искусственной и обедненной жизнью в городе. Из природы мы узнаем больше, чем можем заставить себя выразить. Ее свет проникает в душу все время, и мы перестаем его замечать. Поэт, оратор, пробудившийся к своему призванию среди

лесов, человек, чьи чувства питала их прекрасная и умиротворяющая жизнь, питала год за годом, не ставя это своей целью и не замечая его, — не забудет вовсе преподанного ими урока среди шума городов и кипенья политических страстей. Долго еще после того, как он покинет эти леса, в суеде и ужасающей докуче национальных собраний, в час государственных переворотов, навеянные ими незабываемые образы будут оживать в своей утренней свежести и служить превосходными символами и словами для мыслей, которые вызовут текущие события. А когда пробудятся достойные чувства, для него снова зашумят леса, и будут что-то бормотать сосны, и бежать, поблескивая на солнце, реки, и пастись у подножья гор скот — вернется все, что он видел и слышал ребенком. И вместе со всеми ними к нему придет очарование, даруемое убедительностью суждений, а в руках его окажутся ключи к силе.

3. Итак, творения природы помогают нам выразить тот или иной смысл. Но должен ли язык быть столь велик, чтобы передать всего лишь эти мельчайшие оттенки? Нуждается ли он в целых расах этих благородных созданий, в этом изобилии форм, в этом сонме небесных светил, коль скоро он должен только снабдить человека словами и грамматикой, чтобы тот мог держать речь в муниципальном совете? Пока мы пользуемся этим великим шифром лишь для того, чтобы облегчить себе мелочи жизни, мы чувствуем, что не нашли такому шифру достойного его применения и неспособны найти. Мы похожи на путешественников, радующихся пеплу вулкана, потому что в нем можно испечь яйцо. Понимая, что язык всегда готов предоставить одеяние тому, что мы хотим сказать, мы не можем уйти от вопроса: а не имеют ли заключенные в нем образы значения сами по себе? Лишены ли горы, и волны, и небо всякого значения, кроме того, которое мы в них сознательно вкладываем, прибегая к ним как к символам наших мыслей? Слово заключает в себе символ. Части речи — это метафоры, ибо вся природа является метафорой человеческой души. Законы нравственного характера соответствуют законам материи точно так же, как соответствует лицу его отражение в зеркале. «Зримый мир и взаимоотношения составляющих его частей представляют собой циферблат, за которым скрывается механизм невидимого». Аксиомы физики выражают на ином языке этические законы. Взять хотя бы такие: целое больше, чем его часть; действие равно противодействию; самую небольшую массу можно заставить поднять самую огромную

массу, если разница в массе будет компенсирована временем; да и многие другие законы имеют значение не только для физики, но и для этики. Они получают гораздо более всеобъемлющий, всеобщий смысл, когда их прилагают к человеческой жизни, а не ограничивают область их применения техникой.

Точно так же и памятные из истории изречения и пословицы разных народов обычно представляют собой иллюстрацию какого-то нравственного назидания примером из жизни природы или таким же образом сложенную притчу. Вот, например: «катящийся камень не обрастает мхом»; «лучше синица в руке, чем журавль в небе»; «правильным путем калека доберется скорее, чем бегун, выбравший не ту дорогу»; «куй железо, пока горячо»; «переполненную чашу не просто донести»; «уксус — дитя вина»; «одной бы унцией поменьше, и верблюжий хребет остался б цел»; «чем старше дерево, тем глубже корень» и т. д. В своем прямом смысле все это суждения тривиальные, но мы помним их, потому что все они являются аналогиями. И это относится не только к пословицам, но и ко всем басням, притчам и аллегориям.

Родство души и материи — не фантазия какого-то поэта, а веление господа, и поэтому оно должно быть понято всеми людьми. Оно может и являться им прямо, и оставаться скрытым от них. Когда в счастливые для нас часы мы размышляем над этим чудом, умный человек не может не заподозрить, уж не слеп ли он и не глух ли во всякое иное время?

Разве
Такое может, словно туча летом,
Пройти бесследно?^[15]

Ибо в такие минуты вселенная делается прозрачной, и ее проникает свет законов более высоких, чем ее собственные. Это вечная проблема, волновавшая всех подлинно талантливых людей с той поры, как начался мир, и склонявшая их к размышлению — от эпохи египтян и браминов до времен Пифагора, и Платона, и Бэкона, и Лейбница, и Сведенборга. На краю дороги восседает Сфинкс, и век за веком всякий идущий мимо пророк испытывает судьбу, пытаясь разгадать его загадку. Дух словно бы ощущает необходимость проявлять себя в материальных формах; и

день и ночь, река и буря, зверь и птица, кислота и щелочь пресуществуют в душе всевышнего как необходимые Идеи и становятся тем, что они есть, благодаря предшествующим их появлению страстям, кипящим в мире духа. Любой Факт — это осуществление цели или конечное усилие духа. Видимое творение есть завершение или внешний облик невидимого мира. «Материальные формы, — сказал один французский философ ^[16], — с необходимостью являются своего рода *scogiae*^[17] субстанциальных мыслей творца, и они должны всегда строго сохранять подобающее отношение к своему первоистoku; иными словами, видимая природа должна обладать стороной духовной и нравственной».

Мысль эта нелегка для понимания, и хотя мы прибегаем к образам «наряда», «отходов», «зеркала» и т. п., которые могут пробудить к действию фантазию, нам придется ждать помощи от более искусных и тонких толкователей, чтобы она стала совсем ясной. Основополагающий закон критики гласит: «Любое сочинение должно быть толковано носителем того же духа, как тот, что дал ему рождение». Жизнь в гармонии с природой, любовь к истине и добродетели очистят взор для того, чтобы стал доступен созданный природой текст. Мало-помалу мы можем узнать самый первичный смысл постоянных явлений природы, и тогда мир станет для нас открытой книгой, и любая форма преисполнится скрытой жизни и конечного назначения.

Когда мы с той точки зрения, которая была предложена, смотрим на пугающие многообразие и масштаб творений природы, в нас пробуждается внезапно новый интерес, поскольку «любое творение, если оно правильно увидено, раскрепощает в душе новую способность». То, что было неосознанной истиной, с той минуты, как оно объяснено и с определенностью выражено в творении природы, становится принадлежностью знания — делается еще одним видом оружия в этом могучем арсенале.

ГЛАВА V

ДИСЦИПЛИНА

Установив значение природы, мы немедленно приходим к еще одному заключению: природа — это дисциплина. Такое понимание слова «природа» включает в себя и все предшествующие в качестве своих составных частей.

Пространство, время, общество, труд, климат, пища, передвижение, животные, механические подспорья всякий день преподают нам самые ценные для души уроки, значение которых безгранично. Они воспитывают как Понимание, так и Разум. Любое свойство материи — настоящая школа для понимания: и ее стойкая сопротивляемость, и ее облик, и способность к инерции, растяжению, разделению. Понимание добавляет, разделяет, соединяет, измеряет и находит для своей деятельности простор и пищу на этой благодарной почве. А Разум между тем переносит все эти уроки в собственный свой мир мысли, прозревая аналогию, бракосочетающую Материю и Дух.

1. Природа — это наука, способствующая пониманию вопросов, относящихся к духовной истине. Сталкиваясь с чувственно постигаемыми вещами, мы постоянно воспитываем в себе на этих уроках необходимую способность видеть различие, сходство, порядок, способность отделять сущее от кажущегося, наблюдать постепенное упорядочивание, переход от частного к общему, соединение многообразных сил для единой цели. Крайняя осторожность, с какой преподается нам такая наука, осторожность, которой не поступаются ни в едином случае, подчеркивает важность для нас того органа, который должен быть в результате создан. Какой изнурительный труд — изо дня в день, год за годом и так без конца — необходим, чтобы воспитать здравый смысл! Вечное повторение тех же самых недоумений, стеснительных обстоятельств, дилемм; злые насмешки над нами мелочных людей; бесконечное оспаривание наград, подсчет выгоды; и все для того, чтобы создать Десницу души — чтобы научить нас, что «добрые помыслы ничем не лучше сладостных грез, если они не воплощены в дела»!^[18]

Такую же благую миссию выполняет Собственность и родственные

ей системы долга и кредита. Долг, перемалывающий нас долг, чьего железного лика страшатся и бегут вдовы, и сироты, и сыновья гения; долг, отнимающий такую уйму времени, уродующий и обескровливающий великий дух диктуемой им необходимостью, что кажется столь низменной, — долг является наставником, чьи уроки не позабудутся, и он всего более необходим тем, кто более других от него страдает. Собственность же, которую удачно сравнили со снегом — «сегодня она ложится ровным ковром, а завтра собьется в сугробы», — представляет собой внешнее проявление работы внутреннего механизма и подобна цифрам и стрелкам на часах. И если сейчас она является гимнастикой для понимания, впоследствии она научит разбираться в вопросах духовных, даст навык ориентироваться в более глубоких закономерностях.

Весь человеческий склад того или иного из нас, все его благоденствие оказываются под угрозой, если выявляются недостатки в его культуре понимания, ну хотя бы в умении видеть различия. Для того и существует Пространство и Время, чтобы человек знал: ничто не свалено в беспорядочную кучу, все разделено и индивидуально. Свою пользу приносят и колокол и плуг, и ни один из них не может взять на себя работу другого. Вода хороша для питья, уголь для отопления, шерсть для изготовления одежды; но нельзя пить шерсть, ткать воду либо питаться углем. Умный человек выказывает свою мудрость в умении отделять одно от другого, устанавливая градацию; и его оценка тех или иных творений или достоинств столь же широка, как оценка природы. Оценкам глупых людей недостает широты; они думают, что любой человек — точно такой же, как и все другие люди. То, что не является благом, они называют худшим на свете, а если что-то не вызывает отвращения, они превозносят это как лучшее из возможного.

Точно так же Природа создает в нас все качества, присущие мудрости. Она не прощает ни одной ошибки. Ее «да» означает да, а «нет» — нет^[19].

Первые дерзания на ниве земледелия, зоологии, астрономии (они исходят от фермера, охотника, мореплователя) учат, что Природа никогда не пускается в азартные игры, полагаясь на волю случая^[20]; что в ее нагромождениях бесполезного хлама сокрыты надежные и благотворные возможности.

Какое спокойствие, какая умиротворенность снисходят на душу,

когда она постигает один за другим законы физики! Какие достойные чувства воодушевляют смертного, когда он становится участником совета, на котором представлено все сущее, и знание дает ему почувствовать, какое это счастье — *быть!* Прозрение облагораживает его. Красота природы сияет в его собственном сердце. Человек, постигая это, становится более великим, а вселенная утрачивает частицу своей величавости, поскольку с познанием законов исчезают взаимоотношения Времени и Пространства.

Но здесь-то мы и поражаемся вновь, даже начинаем страшиться необъятности вселенной, которую необходимо исследовать. «То, что мы знаем, есть указания на то, что нам неведомо». Откройте какой-нибудь из последних научных журналов, поразмыслите над тем, какие проблемы Света, Тепла, Электричества, Магнетизма, Физиологии, Геологии сейчас обсуждают, и, судите сами, похоже ли, чтобы в области естественной истории вскоре не осталось ничего достойного интереса.

Оставляя в стороне многие частные вопросы, относящиеся к науке о природе, нельзя, однако, не обратить внимания на два из них.

Проявление Воли наглядно во всяком событии; каждое из них преподает урок силы. От той минуты, когда ребенок начинает постепенно обретать власть над своими органами чувств, до той, когда он скажет: «Да будет воля твоя!»^[21] — он познает ту тайну, что способен подчинить своей воле не только отдельные события, но большие их последовательности, нет, целые цепи событий и тем самым согласовать все явления со своим характером. Природа во всем служит связующим звеном. Она создана для того, чтобы нести службу. Она принимает на себя область человеческих дел столь же покорно, как ослица, на которой ехал Спаситель^[22]. Она предлагает человеку все свои царства в качестве сырья, из которого он может изготовить то, что полезно. Человек никогда не устает обрабатывать это сырье. Его трудами мудрые, звонкие слова делаются одухотворенны, утонченностью и нежностью он дает им крылья, делая их ангелами убеждения и повелевания. Его победоносная мысль овладевает одна за другой всеми вещами и подчиняет их себе, пока мир в конечном счете не превращается в осуществленную волю — и не делается двойником человека.

2. Чувственно воспринимаемые предметы согласуются с велениями

Разума и отражают сознание. Все вещи наделены моралью и в своих нескончаемых изменениях все более сближаются с явлениями духовного порядка. И поэтому природа чудесна своими формами, красками, движением. Каждое тело, находящееся в самых отдаленных небесных пределах; каждое химическое изменение — от самого грубого кристалла до законов, пронизывающих жизнь; каждое изменение в растительном царстве — от впервые проявившегося в глазке листа закона роста^[23] до тропической рощи и допотопного угольного пласта, каждая функция живого организма — от губки до Геркулеса, все они дадут человеку ощутить или откроют ему, подобно удару грома, законы истинного и ложного, все они перекликаются с десятью заповедями. Вот почему природа всегда союзница Веры; всю свою пышность, все свое богатство она отдает религиозному чувству. Пророк и священник, Давид, Исая, Иисус щедро черпали из этого источника. Нравственное настолько проникает природу, самую ее плоть до конечных глубин, что кажется, в этом и состоит цель, во имя которой природа была создана. Какой бы частной цели ни служили то или иное создание природы, та или иная ее часть, в этом заключается их общественная, всеобщая функция, и она никогда не предается забвению. Ничто в природе не исчерпывает себя, будучи впервые использованным. Когда что-то послужило известной цели до предела, оно полностью обновляется, дабы служить цели более высокой. Велением господи всякое осуществление превращается в новое средство. Так, удобство, взятое само по себе, есть нечто низменное и недостойное. Но для души это средство усвоить доктрину Пользы, согласно которой вещь прекрасна лишь до той поры, пока она служит, что для всего сущего важно согласовывать различное и объединять усилия, чтобы добиться осуществления определенной цели. Первое, грубое проявление этой истины — наше неизбежное и столь ненавистное воспитание, преследующее цель познать ценности и потребности, хлеб насущный и пищу духовную.

Уже было показано, что все происходящее в природе, представляет собой своего рода нравственное суждение. Нравственный закон находится в центре природы, и его излучения достигают всех уголков ее царства. Он выступает как сущность всякого вещества, всякого отношения, всякого процесса. Все, с чем мы сталкиваемся, назидает нам. Что такое ферма, если не Евангелие, лишенное дара изъясняться?

Солома и зерно, растения и травы, пожухлые стебли, дождь, насекомые, солнце — все это священный символ от той поры, когда весной проводится первая борозда, до той, когда зима укутывает снегом последнюю скирду на сжатом поле. Однако и мореплаватель, и пастух, и горный рабочий, и торговец — все они, каждый на своем поприще, проходят через опыт, который в точности соответствует опыту другого и ведет к тем же самым заключениям, ибо по сути своей все виды деятельности одинаковы. Нельзя сомневаться и в том, что нравственное чувство, которое витает в воздухе, растет вместе с зерном и окрашивает воды мира, улавливается человеком и укореняется в его душе. Нравственное воздействие природы на любого человека измеряется правдой, которую она ему открыла. Кто способен определить границы такого воздействия? Кто представляет себе, в какой мере научила рыбака твердости духа источенная волнами скала, до какой степени своим душевным покоем человек обязан урокам лазурного неба с его чистыми глубинами, на которых не оставляют ни морщинки, ни пятнышка грозные облака, вечно гонимые по небосводу ветрами? А язык жестов, на котором объясняются животные, — насколько наше трудолюбие, предусмотрительность, страстность ведут свое начало от этого источника? Какой превосходный искатель и проповедник самообладания — эти многообразные проявления Здоровья!

Здесь мы особенно остро ощущаем то единство Природы — единство в многообразии, — с которым сталкиваемся повсюду. Во всем своем бесконечном многообразии вещи производят идентичное впечатление. Ксенофан^[24] в старости жаловался, что все, куда ни посмотри, спешит вернуться к единству; он устал наблюдать одну и ту же сущность в этой утомительной многоликости форм. Миф о Протее заключает в себе глубокую истину. Лист, капля, кристалл, миг времени связаны с целым и вносят свой вклад в совершенство целого. Любая частица — это микрокосм, и она безошибочно свидетельствует о единообразии мира.

Сходства существуют не только между такими вещами, где аналогия напрашивается сама собой, как, например, в том случае, когда в плавнике ископаемого ящера мы различаем прообраз человеческой руки, но и между такими, что по внешности совершенно не напоминают друг друга. Так, архитектуру мадам де Сталь и Гёте называют «застывшей музыкой»^[25]. Витрувий^[26] полагал, что архитектор должен

быть музыкантом. «Готический собор, — сказал Колридж, — это религия в камне»^[27]. Микеланджело утверждал, что зодчему необходимо знать анатомию. В ораториях Гайдна звуки заставляют воображение представить себе не только движения — например, змеи, оленя, слона, — но также и цвета, ну хотя бы зеленую траву. Закон гармонии красок проявляет себя и в гармонии цветов. Кусок гранита по своим законам отличается от уносящей его реки лишь тем, что получает больше или меньше тепла. Текущая река напоминает струящийся над ней воздух, а воздух напоминает свет, чьи еще более невидимые потоки проходят сквозь него; свет же напоминает тепло, распространяющееся вместе с ним по Пространству. Любое создание есть лишь модификация другого создания; сходства между ними больше, чем различия, а основной закон, которому они подчиняются, один и тот же. Закон какого-то одного искусства или какой-то одной организации действен во всей природе. И это Единство столь полное, что, как нетрудно увидеть, оно может быть обнаружено и в самых низших областях природы; оно свидетельствует, что исток его — во Всеобщем Духе. Ибо оно проникает в область Мысли. Всякая всеобщая истина, выраженная нами посредством слов, предполагает всякую другую истину. *Omne verum verum consonant*^[28]. Истина подобна огромному кругу на шаре, обнимающему все другие возможные круги, но и эти последние тоже можно провести, и они точно так же будут заключать в себе эту окружность. Любая такая истина, если смотреть на нее только с одной стороны, является абсолютной Целью. Но у истины бесчисленное множество сторон.

Проникающее природу Единство еще более наглядно проступает в действиях. Слова — это конечные органы бесконечной души. Они не могут передать всех граней того, что есть истина. Они разбивают истину, разрубают и обедняют ее. Действие — это завершение и наглядное явление мысли. Правильное действие точно бы не оставляет глазу ничего другого для созерцания, и оно связано со всей природой. «Мудрый человек, делая что-то одно, делает все; иными словами, сделав правильно что-то одно, он постигает сходство всего, что делается правильно»^[29].

Слова и действия — не атрибуты грубой природы. Они позволяют нам узнать человека — форму, по сравнению с которой все другие выступают как формы низшие. Когда среди многообразия, его

окружающего, является человек, дух отдает ему предпочтение перед всеми. Он говорит: «У тех, кто наделен такой формой, черпаю я радость и знание; в тех, кто наделен ею, я обнаруживаю и созерцаю себя; я буду говорить с ними; они смогут говорить со мной; они смогут сообщить мне мысль уже оформившуюся и живую». И действительно, глаз — иными словами, душа — всегда выступает в сопровождении таких форм, мужских и женских; и они представляют собой несравненное и самое точное указание на ту силу и ту гармоничность, которые заключены в самой сути вещей. Как ни жаль, все они точно бы носят следы какой-то раны, все словно бы помяты и, на поверхностный взгляд, неполноценны. И тем не менее, сильно отличаясь от лишенной дара речи природы вокруг них, они служат как бы насосами, вычерпывающими воду для фонтанов из бездонного моря мысли и добродетели, по которому из всех созданных природой форм лишь им дана возможность плыть.

Было бы замечательно попытаться подробно проследить, какую роль играют они в нашем воспитании, но куда заведут нас такие штудии? И в отрочестве и во взрослой жизни мы связываем свою судьбу с некоторыми друзьями, которые сосуществуют с нашими мыслями и чувствами, как небо, как вода; которые, соответствуя каждый по-своему тому или иному побуждению души, удовлетворяют наши устремления в таком направлении; которых мы по слабости своей уже не можем отдалить от себя на достаточное расстояние, чтобы глаз мог хотя бы изучить их, не говоря уже о том, чтобы исправлять их недостатки. У нас нет иного выбора, кроме любви к ним. Когда длительное общение с другом дало нам образец подлинно достойный и преумножило наше преклонение перед мудростью всевышнего, который послал на нашем пути реального человека, превосходящего наш идеал; когда тот, более того, стал предметом размышления и, хотя его характер сохраняет способность воздействовать на нас помимо нашего сознания, превратился для души в воплощение несомненной и глубокой мудрости — это верный знак, что его миссия близится к концу и что очень скоро он незаметно исчезнет из поля нашего зрения.

ГЛАВА VI

ИДЕАЛЬНОЕ

Таким путем передается человеку, этому бессмертному ученику, через каждый воспринимаемый чувствами предмет невыразимый, но вполне явный и практически важный смысл мира. Этой единой цели Науки служит все, что составляет природу.

Душе постоянно ведомо благородное сомнение — не является ли такая цель Конечным Назначением вселенной; существует ли природа сама по себе. Достаточным объяснением той Видимости, которую мы называем Миром, служит то, что господь просветит человеческую душу и тем самым сделает ее восприимчиком определенного количества сообразных ощущений, называемых нами солнцем и луной, мужчиной и женщиной, домом и ремеслом. Поскольку же в высшем смысле я неспособен проверить истинность сообщаемого мне моими чувствами, установить, соответствуют ли впечатления, которые я по ним составляю о различных вещах, самим этим вещам, — какая разница, существует ли Орион в небесных сферах или он лишь нарисован рукой всевышнего на небосводе души? Поскольку взаимоотношения частей и назначение целого остаются теми же самыми, — какая разница, взаимодействуют ли море и суша, вращаются ли и смешиваются один с другим миры, которым нет ни числа, ни конца, пропасть разверзается за пропастью, и галактика уравнивает другую галактику во всем абсолютном пространстве или же, вне зависимости от отношений между временем и пространством, то же самое лишь видится человеку, грезится ему в его непоколебимой вере? Обладает ли природа субстанциальным существованием независимо от человека или же она является лишь откровением души, она точно так же останется полезной для меня и точно так же будет вызывать во мне преклонение. Чем бы она ни была, для меня она идеальна до тех пор, пока я не могу испытать достоверности того, что говорят мне мои чувства.

Люди легкомысленные посмеиваются над теорией Идеального, точно бы все, из нее следующее, было шутковством, точно бы она наносила ущерб стабильности природы. Этого она, вне всякого сомнения, не делает. Господь никогда не шутит с нами, и он не поставит

под угрозой назначения природы, допустив какую-то непоследовательность в ее функционировании. Стоит на секунду усомниться в постоянстве законов, и способности человеческие окажутся парализованными. Постоянство их освящено, и поэтому вера человека совершенна. Пружины, приводящие заключенный в человеке механизм в действие, работают лишь при условии, что признается постоянство природы. Мы созданы не как корабль, чтобы нас мотало по волнам, но как дом, чтобы прочно стоять на земле. И естественное следствие такой нашей организации состоит в том, что, до тех пор пока способность к действию преобладает над способностью к размышлению, мы негодуяюще восстаем против любого предположения, будто природа менее долговечна или более изменчива, чем дух. Маклер, колесный мастер, плотник, сборщик налогов испытывают возмущение, слыша нечто подобное.

Но если мы полностью признаем постоянство законов природы, вопрос об абсолютном ее существовании остается открытым. Воздействие культуры на душу человека всегда одинаково: чаша вера в устойчивость тех или иных явлений, как, например, тепла, воды, азота, остается непоколебимой, но мы начинаем видеть в природе не субстанцию, а феномен, признаем за духом необходимое существование, а природу рассматриваем как случайное и как следствие.

Чувствам, а также пониманию, если оно не обновлено, мы обязаны своего рода инстинктивной верой в абсолютное существование природы. Если так смотреть на дело, человек и природа связаны нерасторжимо. Вещи приобретают конечный смысл и никогда не выступают за пределы отведенной им сферы. Присутствие Разума подрывает эту веру. Первое же усилие мысли не может не привести к ослаблению этого деспотизма чувств, привязывающего нас к природе, точно мы часть ее, и трактующего природу как отчужденную от нас и точно бы отделенную от нас проливом. Пока не вступит в действие эта высшая способность, глаз животного с поразительной точностью улавливает резкие очертания и цвета поверхностей. Когда открывает глаза Разум, эти очертания, эти поверхности сразу же приобретают благородство и выразительность. Они создаются воображением и страстью и в какой-то мере смягчают резкую отделенность предметов друг от друга. Если развивать способность Разума к более глубокому

видению, очертания и поверхности становятся прозрачными и более не просматриваются; в них видно теперь назначение, в них проступает дух. Лучшие минуты жизни те, которые сопряжены с восхитительным пробуждением этих высших способностей, с почтительным преклонением природы перед своим божеством.

Попробуем назвать и другие последствия культуры для нас.

1. Наше посвящение в философию Идеального происходит под воздействием толчка, получаемого от самой Природы.

Природа создана так, что она едина с духом, трудясь на благо нашего освобождения. Этот дуализм мы постигаем, наблюдая за некоторыми механическими усовершенствованиями, слегка изменяющими условия, в которых проходит наша мирская жизнь. Нас странно волнует вид берега с движущегося корабля, с воздушного шара или через стекло, придающее необычную окраску небу. Достаточно едва-едва изменить нашу точку зрения, и весь мир приобретет живописный облик. Человеку, редко ездящему, довольно будет сесть в экипаж и прокатиться по городу, чтобы улицы превратились в театр марионеток. Мужчины, женщины — все они говорят, спешат куда-то, что-то выменивают, ссорятся; честный рабочий, бездельник, попрошайка, мальчишки, собаки — все они вдруг делаются непонятными, во всяком случае, наблюдающий лишается с ними какой бы то ни было связи, и они выступают как существа кажущиеся, а не субстанциальные. Сколько новых мыслей возбуждает такой знакомый деревенский пейзаж, когда он быстро проносится за окнами вагона! О нет, вещи самые привычные приносят больше всего наслаждения — нужно только совсем немного изменить взгляд на них. Попав на аттракцион с зеркалами, мы забавляемся видом тележки мясника или обликом кого-нибудь из нашей собственной семьи. Глаз радуется знакомому лицу, увидев его на портрете. Наклонитесь и, расставив ноги, посмотрите на пейзаж позади — до чего же удивительная картина, хотя она предстала вам до этого всякий день уже лет двадцать!

В таких случаях механика помогает ощутить различия между наблюдающим и наблюдаемым, между человеком и природой. И тогда испытываешь удовольствие, смешанное с благоговением; я бы сказал, что до небольшой степени это наслаждение объясняется, возможно, и тем, что человек тем самым чувствует в себе нечто прочное, хотя мир — это цепь сменяющих одна другую картин.

2. Поэт доносит до нас то же самое наслаждение — только в более высоком его выражении. Несколькими штрихами он обрисовывает, словно в воздухе перед нашими глазами, солнце, гору, разбитый у ее подножья лагерь, город, героя, девушку, и все они не отличаются от тех, какими и мы их знаем, только подняты над землей и точно плывут перед взором. Он сдвигает с места землю и море, заставляет их обращаться вокруг оси своей главной мысли и наново располагает их. Сам одержимый героической страстью, он прибегает к материальному как ее символам. Человек, живущий в мире чувственного, подчиняет мысли вещам; поэт подчиняет вещи своим мыслям. Первый воспринимает природу как ушедшую корнями в землю и прочно держащуюся на ней; второй — как подвижную, и свое существование он строит на этом принципе. Окаменевший мир для него податлив и гибок; он наделяет человечностью пыль и камень и превращает их в слова, которыми говорит Разум. Воображение можно определить как ту пользу, которую извлекает для себя из материального мира Разум. Шекспир обладает способностью подчинять природу целям выражения, несоизмеримой со способностями иных поэтов. Его царственная муза обращается с творением как с игрушкой, которую можно перебрасывать с руки на руку, и использует его, чтобы воплотить любой каприз мысли; а эти капризы в его душе превыше всего. Он проникает в самые далекие уголки природы и связывает воедино высшей духовной связью всего далее отстоящие одна от другой вещи. Нам открывается, что величие материальных вещей относительно; все сжимается или возрастает, удовлетворяя страсти поэта. Возьмите его сонеты; в них птицы, запахи цветов, их краски — все это *тень* его возлюбленной; время, отделяющее возлюбленную от него, — это его *грудь*, подозрение, возбужденное ею, — *убор* возлюбленной:

Его не может очернить упрек —
Ворона в лучезарной синеве^[30].

Страсть поэта — не порождение случая; когда он говорит о ней, она становится все огромнее, охватывая весь город, всю страну: Но нет, мою любовь не создал случай.

Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучий
И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Ей не страшны уловки и угрозы
Тех, кто у счастья час берет в наем.
Ее не холит луч, не губят грозы^[31].

Страсть так сильна, так постоянна, что и пирамиды кажутся ему совсем недавно возникшими и скоропреходящими. Своим сходством с утром его ослепляет свежесть юности и любви.

Прочь уста — весенний цвет,
Что так сладостно мне лгали.
Прочь глаза — небесный свет,
Что мне утро затмевали^[32].

Замечу мимоходом, что нелегко будет создать в литературе что-нибудь равное этой гиперболе, полной своевольной красоты. Преображение, которое претерпевают все явления материального мира, когда их касается страсть поэта — эта выказываемая им способность обращать в ничтожество великое и возвышать малое, — может быть проиллюстрировано бесчисленными примерами из его пьес. Передо мной его «Буря»; приведу из нее лишь несколько строк:

А р и э л ь
...обрушил скалы,
С корнями сосны вырвал я и кедры^[33].

Просперо зовет музыкантов, чтобы внести успокоение в мятущуюся душу Алонсо и его спутников:

Торжественная музыка врачует
Рассудок, отуманенный бездумьем,
Она кипящий мозг твой исцелит^[34].

И еще:

Но уже слабеет
Могущество ужасного заклатья.
Как утро, незаметно приближаясь,
Мрак ночи постепенно растопляет,
Так воскресает мертвое сознание,
Туман бездумья отгоняя прочь^[35].

Сознание возвращается к безумцам,
И полноводный разума поток
Вновь затопляет илистое русло^[36].

Умение прозреть реальную родственность событий (иными словами, *идеальную* их родственность, ибо она одна реальна) дает Поэту возможность свободно обращаться с самыми стеснительными формами и явлениями мира и тем самым утверждать преобладание души.

3. Если поэт оживляет природу своей мыслью, то единственное отличие его от философа состоит в том, что для этой цели он прибегает к Красоте, а философ — к Истине. Философ, однако, в не меньшей степени, чем поэт, считает наличествующий в мире порядок вещей и их взаимоотношения вторичными по сравнению с областью мысли. Согласно Платону, «задача философии в том, чтобы всему, существующему условно, найти основание безусловное и абсолютное»^[37]. Философия исходит из того, что все явления подчиняются закону, и, если установить, какой это закон, можно будет предсказывать явления. Когда этот закон постигнут сознанием, он становится идеей. Красота его нескончаема. Подлинный философ и подлинный поэт неразделимы, цель обоих — красота, которая является правдой, и правда, которая является красотой. Разве очарование какого-нибудь определения, принадлежащего Платону или Аристотелю, не в точности такое же, как очарование софокловской Антигоны? В обоих случаях мы сталкиваемся с одним и тем же; природе сообщается духовная жизнь; с первого взгляда монолитный кусок материи

пропустил в себя мысль и растворился в ней; это человек, слабое создание, сумел пытливей душой проникнуть в огромные сгустки природы, узнал себя в их гармонии, иными словами, овладел их законом. Когда это происходит в физике, память освобождает себя от бремени громоздких каталогов отдельных сведений и в единой формуле подытоживает века наблюдений.

Таким образом, даже в области физики материальное отступает перед духовным. Астроном, геометр полагаются на свой неопровержимый анализ и не придают значения результатам наблюдений. Прекрасно сказал о своем законе друг Эйлер^[38]: «Его найдут противоречащим всему, что известно из опыта, и тем не менее он верен»; тем самым природа уже перенесена в область духовную, а материальное оставлено за порогом, как брошенный всеми труп.

4. Отмечено, что умозрительная наука неизменно зароняет сомнения в том, что материя существует. Тюрго^[39] принадлежат слова: «Тот, кто не ведал сомнений относительно существования материи, может быть уверен, что он лишен широты взгляда, необходимой для занятий метафизикой». Наука сосредоточивает внимание на бессмертных творениях природы, которые по необходимости никогда не бывают сотворены в материальном облике, то есть на Идеях; и когда они рядом с нами, мы чувствуем, что обстоятельства внешнего характера значат не более, чем мелькнувшая греза или тень. Пока мы ожидаем у ворот этого Олимпа богов, природа кажется нам дополнением к душе. Мы поднимаемся туда, где обитают идеи, и понимаем, что это мысли Высшего Существа. «От века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Когда Он уготовлял небеса, я была там... Когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны... Тогда я была при Нем художницею и была радостью всякий день, веселясь перед лицом Его во все время»^[40].

Влияние идей неодинаково. Как предмет науки они доступны только немногим. Однако все люди могут достичь высот, где они обитают, — благочестием или страстью. И нет человека, который коснулся бы этих божественных творений природы и сам не стал бы божественным. Как новая душа, они обновляют тело. Наши движения делаются легкими и грациозными; мы ступаем по воздуху; жизнь перестает быть докучливой, и нам кажется, что такой она больше уже никогда не будет. Когда их светлый сонм окружает человека, никто не

страшится старости, невзгод, смерти, ибо человек оказывается за пределами изменений. Созерцая природу Справедливости и Истины без скрывающих ее покровов, мы постигаем различие Между абсолютным и условным, или относительным. Мы воспринимаем абсолютное. Точно бы мы впервые *существуем*. Мы становимся бессмертными, ибо узнаем, что время и пространство суть отношения, свойственные материи, и они утрачивают власть над нами, когда мы одарены пониманием истины или добродетельной волей.

5. Наконец, религия и мораль, которые могут быть подобающим образом названы практическим осуществлением идей, их внедрением в жизнь, оказывают аналогичное действие и на все более низкие культуры; они лишают природу ее величия и показывают зависимость ее от духа. Мораль и религия различаются тем, что первая из них представляет собой свод обязанностей человека, исходящий от самого человека, а вторая — тот же свод, но исходящий от бога. Религия включает в себя личность бога, Мораль — нет. В этом нашем рассуждении они могут выступать как нечто единое. И религия и мораль ставят природу ниже самих себя. Первый и конечный урок, преподаваемый религией, состоит в том, что «видимое временно, а все невидимое вечно»^[41]. Религия попирает природу. Для непросвещенных она то же самое, что философия для Беркли или Вьеса^[42]. В храмах самых невежественных сект слышится всегда одно и то же: «Пренебреги ложными мирскими соблазнами; се тщеславие, видимость, тень, фикция; ищи твердой опоры в религии». Верующему не нужна природа. Были теософы, развившие в себе особую враждебность к природе, возмущение против нее, — манихеи^[43], Плотин^[44]. Они не доверяли звучавшим в их душе позывам вернуться к жизни в довольстве. Плотин стыдился своего тела. Кратко говоря, все они могли бы сказать о природе то, что сказал о материально воплощенной красоте Микеланджело: «Это непрочная, изношенная ткань, в которую господь облекал душу, которую он призвал к себе, когда пришло время».

Создается впечатление, что поэзия, движение, физика, умозрительная наука — все подрывает нашу уверенность в том, что внешний мир реален. Однако я признаю, что было бы в какой-то мере неблагодарностью слишком далеко заходить, указывая на частные свидетельства в пользу этого общего положения, согласно которому культура имеет тенденцию буквально преисполнить нас идеализмом. К

природе я испытываю не враждебность, а любовь, горячую, как у ребенка. Я расту, я живу всеми порами в теплый день, как пшеница или дыня. Воздадим природе должное. Я не собираюсь бросать камнями в мою прекрасную мать, пачкать мое прекрасное гнездо. Я хочу лишь указать истинное место природы по отношению к человеку, поскольку и все настоящее образование преследует цель утвердить человека на подобающем ему месте; природа — это основа, достичь которой, иными словами, установить прочную связь с которой является задачей всей человеческой жизни. Культура опровергает вульгарные "взгляды на природу и побуждает ум назвать видимым то, что он называет реальным, и реальным то, что он называет пригрезившимся. Во внешний мир — и это действительно так — верят дети. Лишь потом приходит мысль, что внешний мир только видится; однако такая мысль, несомненно, будет укореняться в умах вместе с культурой, точно так же как укоренилась мысль, ей предшествовавшая.

Превосходство теории идеального над расхожими верованиями в том, что она представляет мир увиденным именно так, как это наиболее желательно душе. Это, в сущности, тот самый взгляд на мир, которого придерживается и Разум — как спекулятивный, так и практический, иначе говоря, Разум и как философия и как добродетель. Ибо, увиденный в свете мысли, мир всегда выступает как феномен; добродетель же подчиняет его душе. Идеализм видит мир в боге. Весь круг вещей и людей, действий и событий, наций и верований он воспринимает не как накопленное огромным трудом, атом за атомом и свершение за свершением, в плетущемся по нашим стопам дряхлом Прошлом, но как огромную картину, нарисованную богом в единый миг и навечно для того, чтобы ее созерцала душа. Вот почему душа воздерживается от излишне тривиального и мелочного изучения картины вселенной. Она слишком преклоняется перед конечной целью, чтобы погружаться в познание средств. В христианстве она обнаруживает для себя нечто более значительное, чем распри, запечатленные в церковной истории, или тонкости богословия; совершенно не интересуясь ни теми или иными героями, ни совершенными ими чудесами, нимало не поколебленная противоречивостью исторических свидетельств, она принимает из рук господя явление таким, каким она его нашла,— в чистой и ужасной форме веры в нашем мире. Душа не пылает страстью, сталкиваясь с тем,

что называет своим счастливым или злым жребием, с поддержкой или сопротивлением других людей. Нет человека, который был бы ей врагом. Она принимает все, что выпадает ей на долю, видя в этом еще один урок для себя. Она скорее наблюдатель, чем деятель, а если она действует, то только для того, чтобы еще лучше наблюдать.

ГЛАВА VII

ДУХ

Для правильной теории природы и человека важно, чтобы она заключала в себе нечто прогрессивное. Полезные приложения, которые уже исчерпаны или могут быть исчерпаны, и факты, которые находят завершение, будучи изъясненными, не могут исчерпать собою все истинное, что относится к достойному жилищу, где обитает человек и где все его способности находят подобающее им и неограниченное использование. И все полезные приложения природы допускают возможность объединения их в нечто одно, что придает деятельности человеческой бесконечный размах. Во всех своих царствах, во всех вещах вплоть до самых дальних их пределов это полезное приложение природы сохраняет верность причине, его породившей. Оно всегда говорит о Духе. Оно наводит на мысль об абсолютном. Оно вечно действенно. Оно подобно огромной тени, всегда свидетельствующей, что в спину нам светит солнце.

На лице природы написана преданность. Подобно Иисусу, стоит она, уронив голову и скрестив руки на груди. Счастливее всех тот, кто научится у природы почитанию.

Об этой не поддающейся выражению сущности, которую мы называем Духом, тот, кто больше всего над ней размышляет, меньше всего говорит. Мы можем предвидеть бога в грубых, так сказать, отдаленных явлениях материального мира; но когда мы пытаемся определить и описать самого его, нам отказывают мысль и язык и мы столь же беспомощны, как слабые умом и дикари. Эта сущность сопротивляется попыткам выразить ее в виде формулировки; но если человек почитает ее в своей душе, самой достойной задачей природы становится служить знаменем бога. Природа — тот орган, посредством которого всеобщий дух говорит с человеком и стремится вернуть человека обратно к ней.

Когда мы принимаем в расчет Дух, мы убеждаемся, что взгляды, которые мы излагали выше, не исчерпывают всего, что заключено в человеке. Необходимо добавить еще несколько сходных мыслей.

Природа побуждает нас размышлять над тремя вопросами. Что

такое материя? Откуда она появилась? Чему служит? На первый из этих вопросов ответ может дать только теория идеального. Идеализм утверждает: материя есть не субстанция, но феномен. Идеализм позволяет нам осознать полное несоответствие между свидетельством, которое дается нам в нашем индивидуальном бытии, и свидетельством всемирного бытия. Первое из них совершенно, второе не способно внушить какую бы то ни было уверенность; душа есть часть природы вещей, мир — божественная греза, от которой мы всегда можем пробудиться для роскошества и ясности дня. Идеализм — гипотеза, объясняющая природу при помощи иных принципов, чем те, на которых основываются плотницкое искусство и химия. Однако ж, если он будет просто отрицать существование материи, он не удовлетворит потребностей духа. Он оставит бога вне меня. Он покинет меня в запутанном лабиринте моих прозрений, по которому можно блуждать без конца. И душа противится ему, потому что он препятствует страсти, отказывая мужчинам и женщинам в субстанциальном существовании. Природа в такой мере наполнена человеческой жизнью, что нечто человеческое есть и во всем вместе и в каждой частности. Но такая теория делает природу чуждой мне, и она не дает объяснения тому нашему кровному родству с нею, которое мы признаем.

Пусть же пока, при теперешнем состоянии наших знаний, эта теория останется просто не лишенной пользы вводной гипотезой, помогающей нам отдать себе отчет в вечном различии между душой и миром.

Когда же, следуя по незримым стопам мысли, мы начинаем спрашивать себя, откуда появилась природа и чему она служит, из глубин сознания возникает перед нами не одна истина. Мы узнаем, что самое высокое доступно человеческой душе, что страшная всеобщая сущность, которая не является ни мудростью, ни любовью, ни красотой, ни силой, но всем в одном и в полной мере каждым из названного, — это и есть то, ради чего существуют все вещи, и то, благодаря чему они суть; что дух созидает; что по ту сторону природы существует дух и проникает всю природу; единый, а не распадающийся на составные части, он воздействует на нас не извне, то есть не через пространство и время, но изнутри души, или же через нас самих; и поэтому этот дух, являющийся Высшим Бытием, не создает природу вокруг нас, но являет ее на свет через нас, подобно тому как дерево являет на свет новые

ветви и листья через старые поры. Как растение коренится в земле, так и человек — в груди божией; непересыхающие источники питают его, и если у него возникает в том нужда, он черпает отсюда неиссякаемые силы. Кто может поставить пределы возможностям человеческим? Достаточно один раз вдохнуть воздуха высших сфер, получить возможность созерцать справедливость и истину в их абсолютной природе, и мы поймем, что человеку открыт доступ ко всей душе творца, что он и сам творец, если говорить о конечном. Такой взгляд позволяет мне различить, где скрываются источники мудрости и силы, и указывает на добродетель как на

ключ златой,

Которым двери в вечность отпирают^[45].

Самое неоспоримое свидетельство истины вижу я здесь, и взгляд этот вдохновляет меня творить мой собственный мир через очищение души.

Мир развивается из того же духа, что и человеческое тело. Он представляет собой более далекое и менее отчетливое воплощение бога, проекцию бога в область неосознанного. Он отличается от тела в одном важном отношении. Он, не в пример телу, не подвержен прихотям человеческой воли. Нам не нарушить его ясную гармонию. Вот почему для нас он служит наглядным проявлением божественного начертания. Это твердая точка, и, оглядываясь на нее, мы можем осознать, далеко ли мы отошли от этого начертания. По мере нашей деградации все явственнее выступает контраст между нами и нашим домом. В природе мы чувствуем себя посторонними в той мере, в какой являемся чужими по отношению к богу. Мы не понимаем птичьих песен. Лиса и олень бегут от нас; на нас набрасываются тигр и медведь. Нам неизвестно, как можно употребить к пользе растения и плоды, за исключением немногих, например пшеницы или яблока, картофеля или винограда. Разве пейзаж, в котором каждая черточка дышит величием, не запечатлел лик господина? Но и пейзаж может показать нам, сколь велико расхождение между человеком и природой, ибо вы неспособны отдаться наслаждению прекрасным видом, если рядом на поле тяжело трудятся работники, вскапывающие его. Поэт, испытывая восторг, находит в нем

нечто достойное осмеяния до тех пор, пока в поле зрения его больше не останется людей.

ГЛАВА VIII

ПЕРСПЕКТИВЫ

Когда стремятся познать законы мира и облик вещей, самая высокая причина всегда оказывается самой истинной. То, что видится едва ли возможным, выступает как особенно утонченное, смутное и неясное, поскольку в душе оно глубже всего укоренено среди вечных истин. Эмпирическая наука имеет свойство заслонять зрение, и как раз благодаря тому, что она дает объяснение функциям и процессам, она отнимает у жаждущего знания способность отважно созерцать целое. Ученый муж оказывается лишен поэзии. Но лучше других начитанный натуралист, посвящающий все внимание и весь пыл души истине, увидит, что остается еще многое узнать относительно своих связей с миром, и узнать это невозможно путем сложения уже известных величин, их вычитания или иного сопоставления; такое знание приобретается дерзанием духа, чему нельзя научить, постоянным восстановлением собственной сущности и полным смирением. Он откроет, что в изучающем есть качества несравненно более значительные, нежели точность и непогрешимость усвоенного; что догадка нередко более плодотворна, чем неоспоримое утверждение, и что мечта подчас дает нам глубже проникнуть в тайну природы, чем сотня проведенных с конкретной целью экспериментов.

Ибо проблемы, которые необходимо решить,— это именно те, которые избегают ставить на рассмотрение физиолог и натуралист. Подлинное дерзание не в том, чтобы изучить всех представителей животного царства, но в том, чтобы понять, откуда появилось и чему служит это всепоглощающее единство лика всего сущего, которое навеки все разделяет и классифицирует, стремясь свести самое многообразное к одной форме. Когда я рассматриваю превосходный пейзаж, для моей цели не столь важно назвать, не ошибаясь, все его элементы в их последовательности, сколь понять, почему всякая мысль о многообразии пропадает, едва является это спокойное чувство единства. Я не могу воздать большой хвалы самой высокой точности деталей, пока не вижу никакой попытки объяснить взаимоотношения между вещами и мыслями, пока не проливается света на метафизику

конхиологии, ботаники, искусства, света, который должен прояснить отношение формы цветов, ракушек, животных, зданий к душе и помочь созданию науки, основывающейся на идеях. В кабинете естественной истории^[46] мы начинаем ощущать какую-то мистическую почтительность и симпатию к самым несообразным и причудливым формам животных, рыб, насекомых. Американец, который в своей стране встречает лишь здания, имитирующие чужеземные образцы, увидев Йоркский кафедральный собор или Собор св. Петра в Риме, бывает поражен тем ощущением, что и эти высокие образцы зодчества — тоже подражания, бледные копии невидимого утраченного оригинала. Наука лишена достаточного человеческого значения, пока натуралист не принимает во внимание поразительной гармонии, существующей между человеком и миром, господином которого тот является — не потому, что он высшее из обитающих в нем созданий, но потому, что он воплощает его ум и сердце и обнаруживает нечто от себя во всем великом и малом, в каждом горном пласте, каждом новом законе и цвете, факте астрономии или явлении атмосферы, установленных наблюдением и анализом. Прозрение этой тайны вдохновляет музу Джорджа Герберта^[47], великолепного поэта XVII столетия, писавшего псалмы. Приводимые строки — часть его стихотворения «Человек»:

Гармонией полны
Все области людского существа,
А с ним — вселенной лад и строй.
Да, человек — друг естества
И, как приливы с фазами луны,
С ним съединен душой.

В природе все к нему
Идет покорно, власть его признав.
Он побеждает взором тьму
И мир вмещает искони.
Плоть исцеленья обретет у трав
Затем, что им сродни.

Для нас — и ветра рев,

И ход ночных светил, и плеск ручьев;
Все, что окрест увидит глаз,
Всегда на благо нам идет,
Во изобилье насыщает нас
Иль радости несет.

Зовут нас звезды спать,
Опустит полог ночь, отдернет день.
Во всем для плоти благодать:
Всегда насыщен взор и слух,
И средь явлений наш питает дух
Их каждая ступень.

У человека слуг,
Ему неведомых,— несметный рой,
И он их топчет без числа,
Когда гнетет его недуг.
Мир целый — Человек, и мир второй
Любовь ему дала^[48].

Познание истин такого возвышенного характера и служит тем привлекательным, что побуждает людей посвятить себя науке; однако цель пропадает из виду, поскольку все внимание уделяется средствам. Памятуя об этой недалёковидности науки, мы соглашаемся с Платоном в том, что «поэзия ближе подходит к животрепещущей истине, чем история»^[49]. Всякая догадка, всякое прозрение души заслуживают к себе уважения, и мы приучаемся отдавать несовершенным теориям и суждениям, в которых есть проблески истины, предпочтение перед тщательно продуманными системами, не содержащими, однако, ни одного ценного предположения. Мудрый писатель чувствует, что потребности познания и творчества удовлетворяются лучше всего тем, что будет возведено открытие новых областей мысли; тогда надежда придаст новые силы впавшему в забвение духу.

И поэтому я заключаю это эссе указанием на отдельные свойственные человеку и природе традиции, о которых пел мне некий поэт и которые, поскольку они всегда существовали в мире и,

возможно, являются взору каждого барда, могут быть отнесены как к области истории, так и к разряду пророчеств.

«Основания человека лежат не в материи, но в духе. Однако элементом духа является вечность. А для нее самые длительные последовательности событий, хроники самых давних эпох совсем свежи и недалеки во времени. В цикле, совершаемом всеобщим человеком, от которого ведут свое начало все известные нам люди, столетия являются веками, а вся история — только эпохой непрерывной деградации.

Мы не доверяем нашему чувству симпатии к природе и в глубине души отрекаемся от него. Мы то признаем нашу связь с нею, то разрываем ее. Мы подобны Навуходоносору, лишившемуся трона и рассудка и кормящемуся травой, как вол^[50]. Но кто может определить, где кончается целительная сила духа?

Человек — это рухнувшее божество. Когда люди вернуться к невинности, жизнь станет дольше и будет переходить в бессмертие так же незаметно, как мы пробуждаемся ото сна. Но безумие и неистовство будут царить в мире, если теперешняя неорганизованность сохранится еще несколько сотен лет. Ей не дают распространяться смерть и детство. Детство — это вечный Мессия, сходящий в объятия падших людей и умоляющий их вернуться в рай.

Человек — это карликовая копия его самого. Некогда он был насквозь проникнут Духом и растворялся в нем. Он заполнял природу обильно исходившими от него токами. Из него поднимались солнце и луна, солнце — из мужчины, луна — из женщины. Законы его души, периоды тех или иных его действий находили внешнее выражение в смене дня и ночи, в чередовании времен года и смене лет. Но когда он изготовил для себя эту массивную раковину, воды отхлынули от него; он больше не заполняет влагой вен и прожилок; он сжался так, что стал похож на каплю. Он знает, что его строение все еще пригодно для него, но пригодно как одежда с большим запасом на вырост. Скорее, надо бы сказать, что некогда оно соответствовало ему, теперь же гармонирует с ним как нечто находящееся далеко и высоко от него. Он опасливо преклоняется перед собственной работой. Теперь мужчина уже следует за солнцем, а женщина за луной. И все же бывают минуты, когда он стряхивает с себя дрему и размышляет о себе и своем доме, и его посещают странные мысли относительно сходства между домом и им самим. Он постигает, что, коль скоро закон его — высший закон, и он

сохраняет еще остатки силы, и слово его пока звучит еще для природы полновесно, все это не от осознанной им силы, все это не нечто низшее, но нечто высшее его воли. Это Инстинкт». Так пел мой орфический поэт^[51].

В наше время человек прилагает к природе лишь половину своих сил. Он трудится над освоением мира, руководствуясь только присущим ему пониманием. Он живет в нем и управляет им, исходя из грошовой мудрости; и тот, кто трудится больше других, составляет лишь половину человека; если у него сильные руки и крепкий желудок, то душа его огрубела, и он стал своекорыстным дикарем. Свои отношения с природой, свою власть над ней он осуществляет через понимание. Природа для него как навоз; он использует к своей выгоде огонь, ветер, воду, морской компас; и пар, и уголь, и химическое удобрение; и ставит заплатки на своем теле у дантиста и хирурга. Такое поддержание своей власти побуждает сравнить человека со свергнутым королем, который клочок за клочком покупает принадлежавшие ему земли, вместо того чтобы одним прыжком вновь очутиться на своем троне. А между тем в окружившей нас густой тьме не столь уж редки проблески более достойного света — время от времени являемые нам примеры воздействия человека на природу в полную меру его сил, и разумом, и пониманием. Вот такие примеры: традиции чудотворства, восходящие к древнейшим эпохам в жизни всех народов; история Иисуса Христа; победы принципа, которые мы видим в религиозных и политических революциях и в отмене работорговли; чудеса воодушевления вроде тех, о которых рассказали Сведенборг, Гогенлоэ^[52] и шекеры; многие непонятные и все еще оспариваемые факты, объединяемые теперь под именем Животного Магнетизма; молитва; красноречие; самоисцеление; а также мудрость детей. Все это примеры того, как Разум на мгновение овладевает своим жезлом; все это проявления той силы, которая существует не во времени или пространстве, но как непосредственная, вливающаяся в нас и порождающая сила. Различие между номинальной и идеальной силой отлично выражено в изречении схоластиков^[53], гласящем, что знание человеческое есть вечернее знание, *vespertina cognito*, а божеское — знание утреннее, *matutina cognito*.

Задача возвращения миру его изначальной и вечной красоты разрешается исцелением души. Те руины, та пустота, которые мы обнаруживаем в природе, на самом деле находятся в нашем

собственном глазу. Ось зрения не совпадает с осью вещей, и поэтому последние выглядят не прозрачными, но непроницаемыми. Причина того, что миру недостает единства, что он лежит в развалинах и нагромождениях, состоит в утрате человеком единства с самим собой. Человек не может быть натуралистом, пока не удовлетворит всем требованиям духа. А любовь — точно такое же предъявляемое им требование, как и острота восприятия. Поистине ни одно из них двух не может быть совершенным без другого. В высшем смысле этих слов мысль благочестива, и благочестие есть мысль. Бездна бездну призывает^[54]. Но этот брак не совершается в той жизни, какой мы живем. Есть чистые душой люди, почитающие бога, поскольку это завещано им отцами, однако чувство долга не развилось у них в той степени, чтобы все их способности были поставлены ему на службу. И есть наделенные упорством натуралисты, однако свой предмет, природу, они замораживают, освещая ее холодным светом понимания. Разве молитва не является тоже постижением истины, смелым порывом души к неизведанной бесконечности? Не было человека, который, горячо молясь, не узнавал бы что-нибудь. Но когда одушевленный верой мыслитель, решившийся освободить любой предмет от частных связей и увидеть его в свете мысли, в то же время согреет науку огнем самой святой страсти, — вот тогда господь вновь вернется в свое творение.

Когда душа будет готова приняться за изучение, не потребуются искать для него предметов. Неизменное свойство мудрости — умение видеть чудесное в обычном. Что есть день? А год? А лето? А женщина? А ребенок? А сон? Нам в нашей слепоте кажется, что такие вещи не могут волновать. Мы изобретаем притчи, чтобы скрыть непосредственный смысл факта, и, как принято говорить, «подчиняем его высшим духовным законам». Но когда факт рассматривается в свете идеи, блекнет и увядает кричаще яркая притча. Мы созерцаем закон действительный и более высокий. Для мудрых факт является поэтому настоящей поэзией и самой прекрасной из притч. Эти чудеса доставляют нам прямо к нашей двери. Ты тоже человек. Тебе ведомы мужчина и женщина, и их жизнь в обществе, и нищета, труд, сон, страх, удача. Научись видеть, что ничто из этого не является чем-то чисто внешним, нет, каждое явление уходит корнями в способности и пристрастия души. В то время как твой разум влечет к себе какой-

нибудь абстрактный вопрос, природа ставит его перед тобой в конкретном воплощении и требует, чтобы ты сам решил его. Запершись в кабинете, разумно было бы сравнить событие за событием нашу жизнь изо дня в день, особенно в моменты сильных жизненных потрясений, с зарождением и развитием идей в нашем сознании.

Так мы придем к тому, что будем смотреть на мир новыми глазами. Будет удовлетворена вечная жажда разума узнать, что есть истина, и жажда страсти установить, что благо; нужно только отдаться в руки просвещенной Воли. И тогда будет принято всеми то, что говорил мой поэт: «Природа не представляет собой нечто окаменевшее; она подвижна. Дух изменяет, вылепливает, создает ее. Неподвижность или грубость природы — свидетельство отсутствия духа; для чистого духа она подвижна, изменчива, послушна. Всякий дух строит для себя дом, а за стенами его дома протянулся мир, а дальше простирается небо. Знай же, что мир существует для тебя. Это для тебя явления совершенны. Что мы такое — только мы можем понять. Все, чем был наделен Адам, все, что свершил Цезарь, всем этим располагаешь и ты и можешь свершить не меньшее. Адам называл своим домом небо и землю, Цезарь — Рим; ты же назовешь домом, быть может, сапожную мастерскую, или сотню акров вспаханной земли, или чердак — обитель ученого. И тем не менее твое царство, хотя оно и не носит изысканного имени, ни в чем, решительно ни в чем не уступает величием их царству. И потому — строй свой собственный мир. Как только ты подчинишь свою жизнь чистой идее, зародившейся в твоей душе, последняя раскроет свои великие возможности. Возвышение духа повлечет за собой соответствующую революцию в мире вещей. Мгновенно исчезнут все не вызывающие радости виды, свиньи, пауки, змеи, эпидемии чумы, лечебницы для душевнобольных, тюрьмы, враги; они преходящи, и вскоре мы их больше не увидим. Все, что есть в природе грязного и неприятного, высушит солнце и развеет ветер. Как тают снега и цвет земли вновь делается зеленым, когда с юга возвращается солнце, так и дух разукрашивает все на своем пути и несет с собой красоту, которую встречает, и песню, очаровывающую его; он создаст повсюду прекрасные лица, горячие сердца, породит мудрые речи, героические поступки, пока больше нигде не будет зла. Царствие человека над природой не придет приметным образом^[55]; в том виде, каким мы его сейчас знаем, оно стоит вне человеческой мечты о божестве; и, осознавая

свое могущество, человек испытывает удивление не меньшее, чем слепой, когда чувствует, что к нему постепенно возвращается совершенное зрение».

КОММЕНТАРИИ

"Эссе взято из сборника ЭСТЕТИКА АМЕРИКАНСКОГО РОМАНТИЗМА, МОСКВА, «ИСКУССТВО», 1977

Редакционная коллегия: М.Ф.ОВСЯННИКОВ (предс.) и др.

Составление, вступительная статья и комментарии А. Н. НИКОЛЮКИНА

РАЛФ УОЛДО ЭМЕРСОН (RALPH WALDO EMERSON)

Философ, поэт и публицист Ралф Уолдо Эмерсон родился 25 мая 1803 г. в Бостоне. Он учился в Гарвардском университете, был священником. В 1833 г. совершил поездку в Европу, где познакомился с Т.Карлейлем, С.-Т.Колриджем и В.Вордсвортом. В 1835 г. поселился в Конкорде, штат Массачусетс, где вокруг него сложилась группа трансценденталистов. В 1836 г. выходит его программная книга «Природа», в которой наряду с критикой современной американской жизни выражена вера в необходимость слияния человека с природой. В 1842—1844 гг. был редактором трансценденталистского журнала «Дайел». Трансцендентализм Эмерсона воплощал в себе романтический протест против буржуазной цивилизации. В 1841 и 1844 гг. выходят два сборника его «Очерков», снискавших ему широкую известность. Большую популярность приобрели лекции Эмерсона на общественные, этические и эстетические темы («Американский ученый», 1837; «О литературной морали», 1838; «Трансцендентализм», 1842; «Молодой американец», 1844). В 1847 г. вышел первый сборник его стихов.

Биографические очерки «Представители человечества», прочитанные в качестве лекций в 1845—1848 гг. и вышедшие в свет в 1850 г., являются своеобразным продолжением книги Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в истории». Однако, в отличие от безоговорочного возвеличивания героев у Карлейля, Эмерсон рассматривает великих людей более объективно, как представителей своего времени и народа. Таковы его характеристики Платона (к которому восходят истоки эстетических идей Эмерсона), Сведенборга, Монтеня, Шекспира, Наполеона и Гёте. В результате поездок в Англию он выпускает книгу «Черты английской жизни» (1856). Поздние его работы собраны в книгах «Общество и одиночество» (1870) и

«Литература и общественные задачи» (1876). Умер Эмерсон 27 апреля 1882 г. в Конкорде.

ПРИРОДА (NATURE)

Впервые опубликовано анонимно в сентябре 1836 г. отдельным изданием в 500 экземпляров. Первое упоминание о работе над этой книгой встречается в дневнике Эмерсона 6 сентября 1833 г., когда он возвращался из Европы в Америку.

notes

Примечания

1

Стихотворный эпиграф появился во втором издании «Природы» в 1849 г. В первом издании был эпиграф из Плотина: «Природа — только образ или подражание мудрости, душе. Природа действует., но не осознает». Стихотворный перевод В. Рогова.

2

...среди сухих костей...— библейский образ (Книга пророка Иезекииля, 37).

Общение с небом и землею становится его ежедневной пищей...— здесь и далее описание носит автобиографический характер и отражает образ жизни, который Эмерсон вел в Конкорде, его одинокие прогулки в леса.

4

Из стихотворения Джорджа Герберта «Человек» (1633), пять строк из которого приводятся в восьмой главе «Природы».

...он положил на дорогу два железных бруса...— в 1834 г. была открыта железная дорога Бостон—Вустер.

Саллюстий, Гай Крисп (86—35 гг. до н. э.) — римский историк. См «Заговор Катилины», I.

Гиббон, Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788), откуда взята цитата (гл. 68).

Леонид (V в. до н. э.) — спартанский царь, прославившийся стойкой защитой от персов Фермопильского ущелья в 480 г. до н. э., где и погиб со своим отрядом.

Винкельрид, Арнольд (XIV в.) — полупоупендарный швейцарский наподный герой, который во время битвы при Семпахе 9 июля 1386 г. бросился на вражеские пики и ценой своей жизни обеспечил победу швейцарцев над австрийцами.

10

Вейн, Генри (1613—1662) — английский политический деятель. Во время Реставрации был обвинен в государственной измене и казнен 14 июня 1662 г. в лондонском Тауэре.

Рассел, Вильям (1639—1683) — английский политический деятель. Был обвинен в государственной измене и казнен 21 июля 1683 г. В демократических кругах Англии имя этого патриота произносилось с особым уважением.

12

Фокион (402—318 гг. до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель.

13

Большее в едином (итал.).

14

Библия. Первое послание к коринфянам, XV, 44.

Шекспир В. Макбет, III, 4. Перев. Ю. Корнеева.

...сказал один французский философ. — Приведенное высказывание содержится в дневнике Эмерсона 27—29 июля 1835 г. и взято из рукописного перевода на английский язык книги французского философа Ж. Эгера (Письмо о настоящем Мессии и о языке Природы, Париж, 1830).

17

Отходами (латин.)

Бэкон Ф. Опыты (О высокой должности).

Библия. Послание Иакова, V, 12.

...Природа никогда не пускается в азартные игры, полагаясь на волю случая...— перефразировка отрывка из утраченной пьесы Софокла.

21

Библия. Евангелие от Матфея, VI, 10.

...ослица, на которой ехал Спаситель. — Библия. Евангелие от Матфея, XXI, 1—11.

...в глазке листа закона роста... — Эмерсон имеет в виду идеи Гёте в области ботаники (Опыт объяснения растений, 1790, гл. 18).

Ксенофан из Колофона (570—480 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель элейской школы. Его учение о едином и многом, о тождественности и однородности бытия нашло отражение в книгах Эмерсона.

...архитектуру ...называют «застывшей музыкой»...— выражение Гёте в беседе с Эккерманом 23 марта 1829 г. Французская писательница Жермена де Сталь (1766—1817) в романе «Коринна, или Италия» (1807) говорит о соборе св. Петра в Риме: «Облик подобного памятника архитектуры напоминает непрерывную застывшую музыку» (кн. IV, гл. 3).

Витрувий (I в. до н. э.) — римский архитектор, автор труда «Десять книг об архитектуре».

Колридж С.-Т. Руководство для размышления, VI.

28

Все истинное истине созвучно (латин.).

Пересказ мысли Гёте, которую Эмерсон записал в своем дневнике 28 февраля 1836 г. (Goethe. Nachgelassene Werke, Bd 21. Tübingen, 1832, S. 51).

Шекспир В. Сонет 70. Перев. С. Я. Маршака.

Шекспир В. Сонет 124. Перев. С. Я. Маршака.

Шекспир В. Мера за меру, V, 1. Перев. Т. Щепкиной-Куперник.

Шекспир В. Буря, V, 1, 46—48. Перев. М. Донского.

Там же, V, 1, 58—60.

Там же, V, 1, 64—68.

Там же, V, 1, 79—82.

Эмерсон заимствовал эту цитату из Колриджа (Друг, II, 5), который в свою очередь взял ее из «Критики чистого разума» Канта.

Эйлер, Леонард (1707—1783) — швейцарский математик, астроном, долгие годы жил и работал в России.

Тюрго, Анн Ровер Жак (1727—1781) — французский политический деятель, экономист и социолог, автор «Размышлений о создании и разделении богатств» (1776).

Библия. Книга притчей Соломоновых, VIII, 23—30.

41

Библия. Второе послание к коринфянам, IV, 18.

Вьяса — легендарный древнеиндийский мудрец, которому приписываются «Махабхарата» и «Веды».

Манихеи — представители манихейства — религиозного учения, возникшего на Ближнем Востоке в III веке. Основным догматом манихейства было учение о добром и злом началах, лежащих в основе мира.

Плотин (205—270) — древнегреческий философ-мистик, родом из Египта, жил в Риме. Основатель школы неоплатонизма. Под материей Плотин разумел небытие, цель человеческой жизни видел в сдерживании и обуздании телесных влечений. На Эмерсона оказало влияние учение Плотина о божественном первоедином начале («Верховная душа» Эмерсона), которое проливается вовне — сначала как мировой дух, затем как душа мира, далее как единичные души.

Мильтон Дж. Комус, строки 13—14. Перев. Ю. Корнеева.

В кабинете естественной истории...— В июле 1833 г. Эмерсон посетил в Париже Ботанический сад, что дало ему материал для размышлений о всеобщем единстве природы, животных и человека как ее частей. В ноябре того же года он прочитал в Бостонском естественно-историческом обществе лекцию «О пользе естественной истории», отдельные положения которой вошли в его книгу «Природа».

Герберт, Джордж (1593—1633) — английский поэт. Его поэтические произведения были опубликованы посмертно в 1633 г. под заглавием «Храм, религиозные стихотворения и личные признания». Сочинения Герберта были изданы в 1835—1836 гг. с примечаниями С.-Т. Колриджа.

Перев. В. Рогова.

Эмерсон имеет в виду начало девятого раздела «Поэтики» Аристотеля: «Из сказанного ясно и то, что задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно о возможном по вероятности или по необходимости. Именно историк и поэт отличаются друг от друга не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться».

Библия. Книга пророка Даниила, IV, 29—30.

Так пел мой орфический поэт...— имеется в виду американский философ и поэт Эймс Бронсон Олкотт (см. также прим. 12 к статье Э. По «Обозрение новых книг»).

Гогенлое, Александр Леопольд Франц Эммерих (1794—1849) — немецкий аристократ, священник, приобретший известность чудодейственным лечением больных.

...в изречении схоластиков...— Аврелий Августин. О граде божьем (ок. 426), кн. XI, гл. 7 и 29. Фома Аквинский. Суммы (1273), ч. I, гл. 58 и 74.

Библия. Псалтырь, 41, 8.

Перефразировка текста Евангелия от Луки, XVII, 20.